

Действующие лица:

Крысолов,
Бургомистр,
Анни – его дочь,
Ганс,
Эмилия,
Мальчик,
Элизабет,
Андреас,
Жак,
Палач,
Башмачник,
Первый Советник,
Второй Советник,
Судья,
Глашатай,
Первый и второй мальчики,
Дамы,
Слуги,
Народ.

Действие первое

1

Пыточная камера была узкой, с низкими серыми нависшими потолками. По полу кое-где сквозь стены просачивалась вода. Когда Ганс вошел в нее, а вернее, его впихнули туда двое стражников, ему пришлось пригнуться, чтобы не задеть головой потолок. Ганс огляделся. Перед ним за деревянным столом сидел сам Первый Советник Бурго-

мистра. Его крысиные глаза хищно сверкали в полутьме камеры. Советник постучал пальцами по столу и кивком головы пригласил Ганса присесть. Ганс осторожно сел на краешек лавки напротив Первого Советника.

Первый Советник. Я хочу поговорить с тобой серьезно, Ганс.

Ганс с опаской посмотрел на дыбу, выглядывающую из темного угла.

Первый Советник. Нет, я не буду тебя пытаться, по крайней мере, пока. Просто скажи честно – зачем ты кормил крыс?

Ганс. Господин Первый Советник, я не кормил крыс, я клянусь! Более того, я в жизни не видал ни одной крысы!

Первый Советник. Зачем ты врешь? Вот же в свидетельских показаниях у меня написано, что ты кормил животных!

Ганс. Животных, но не крыс. Да, мы с друзьями частенько после уроков подкармливали несчастных бездомных кошек и собак... Но не крыс, нет.

Первый Советник. Что? Вы подкармливали несчастных кошек и собак?!

Ганс. Ну да. Ведь они живут на улице, без крова над головой. Им часто бывает нечего есть.

Первый Советник. Ганс, скажи мне честно, кто вам за это платит?

Ганс. Никто.

Первый Советник. Ну кто? Безумный барон Фреденбург? Он, говорят, все хочет прослыть святым и дошел уже до того, что чуть ли не целуется с нищими попрошайками и без молитвы не ходит даже отлить.

Ганс. Говорю же, нам никто не платит. Мы сами кормим бездомных животных, потому что они нуждаются в нашей помощи.

Первый Советник. Животные? В вашей помощи?

Ганс. Ну да.

Первый Советник. Послушай, ты же сын уважаемых родителей, твой отец пророчит тебе будущее врача. Вот видишь, я все про тебя знаю. Ты же умный парень, Ганс. Зачем ты совершаешь эти глупости?

Ганс. Это не глупости. Это наша прямая обязанность, обязанность человека – помогать тем, кто слабее.

Первый Советник. Ты знаешь, что я могу тебя повесить?

Ганс. Знаю.

Первый Советник. Я не люблю вешать людей... Они некрасиво дергают ногами, хрипят, из них льются нечистоты. Это неприятная процедура. Но я вынужден ее совершать, потому что больше всего в жизни я ненавижу ложь. Ложь, Ганс, вот что губит людей! Я могу простить бандита, честно покаявшегося в своем злодеянии. Но я не могу помиловать человека, который даже перед лицом смерти продолжает лгать и притворяться! Зачем ты кормил крыс, Ганс, ответь мне?

Ганс. Я не кормил крыс.

Советник вдруг резко поднялся и со всего размаха ударил Ганса по щеке. Щеку обожгло словно огнем. Следующий удар пришелся под ребро. Дыхание перехватило, на глазах выступили слезы. И еще удар... И еще... Ганс не мог произнести ни звука, он задышался, в его голове вихрем пронеслись воспоминания той страшной ночи, когда он попал в тюрьму. Наконец Ганс набрал в легкие побольше воздуха и закричал.

Ганс. Я не кормил крыс! Не кормил! Не кормил!

Первый Советник. Увести его!

Палач стоял на городской площади и насвистывал какой-то веселый марш. Настроение у него было чудесное – сегодня ему предстояло повесить всего троих бунтовщиков, а после обеда день обещал быть абсолютно свободным. Он без особого интереса наблюдал, как перед ним рабочие возводили эшафот. Но заметив оплошность одного из работников, палач перестал свистеть и крикнул.

Палач. Ровнее, ровнее кладите доски!

К палачу подошел Башмачник.

Башмачник. Ты уже здесь, кровопийца?

Палач. Я прихожу сюда ровно во столько, во сколько мне предписывает закон.

Башмачник. Кого сегодня казнят?

Палач. Каких-то бунтовщиков...

Башмачник. У нас теперь в кого ни плюнь – бунтовщик...

Палач. Оно и верно. На прошлой неделе казнил двоих, на этой вот трое...

Башмачник. Много работы, говоришь?

Палач. Работы всегда много. Одно хорошо – их всех вешают. По мне, это самое простое. Сжигать людей я не люблю – запах горелого мяса так въедается в одежду, что моя хозяйка еще долго потом отстирывает мою мантию...

Башмачник. Тьфу, кровопийца!

Палач. Я делаю лишь то, что предписывает мне закон.

Башмачник. Ну и работенка у тебя...

Палач (*пожимает плечами*). Работа как работа...

Башмачник брезгливо отвернулся и заковылял дальше. Меж тем на площади собиралась толпа. Люди разного толка – мужчины, женщины и дети, беднота и знать – со всех концов города стягивались к эшафоту. Палач с отворачиванием посмотрел на людей – он считал их зеваками и бездельниками. С другой стороны, в глубине души ему льстило, что на его работу приходит посмотреть так много зрителей.

Наконец все собрались: судья, глашатай, газетчики, господин Первый Советник. Последний пришел значительно позже остальных и, кажется, запыхался. Судья – маленький скрюченный человек – нервно царапал пером свиток бумаги. Остальные выглядели совершенно спокойными. Первый Советник кивнул палачу.

Первый Советник. Пора начинать.

Палач в свою очередь кивнул охране. Те вытянулись по струнке и торжественно зашли в ратушу, откуда вскоре вывели троих несчастных со связанными руками. Когда всех троих пленников подвели к эшафоту, палач невольно вздрогнул. Приговоренным к казни, кажется, не было и шестнадцати лет. Два мальчика и девочка с худеньким беличьим лицом глядели на него неотрывно, в их глазах явственно читался страх. Охрана завела несчастных на эшафот. Следом за ними поднялся палач. Он жестом попросил охрану уйти. Эшафот был его сценой, и он не любил присутствия на ней посторонних. С уверенной ловкостью палач скрутил виселицы из свисающих с трех крюков толстых веревок и надел на шеи заключенных по петле. При каждом прикосновении к коже пленников палач чувствовал, как тех бьет нервная дрожь. Впрочем, ему было не привыкать – он видел, как люди от ужаса сходили с ума прямо на эшафоте, и потому к чужому

страху давно привык. Но внезапно почувствовал, что ему жаль девочку с беличьим лицом, ведь она выглядела совсем ребенком – не старше его тринадцатилетней дочери. Палачу захотелось успокоить ее, приободрить, и он успокаивающе шепнул ей на ухо.

Палач. Не переживай. Я сделаю все в лучшем виде. Ты даже ойкнуть не успеешь.

Судья заскоружными пальцами развернул свиток, водрузил на нос пенсне и стал медленно и невнятно зачитывать приговор.

Судья. Именем Бургомистра, а также нашего короля, наместника Бога на земле, за призывы к мятежу, за вольнодумство, за кормежку крыс вы приговариваетесь к смертной казни через повешение...

Глашатай прокричал слова судьи в толпу.

Глашатай. К смертной казни... Повешение!

Один из мальчиков на эшафоте вдруг зарыдал.

Мальчик. Вы не можете нас казнить. Ведь мы же дети. Дети!

Палач осторожно подошел к краю доски, на которой стояли подростки, готовясь ловко, как он это умел, одним ударом выбить ее у них из-под ног. Но тут, распихав толпу, на эшафот стал протискиваться маленький толстенький человечек. Это был господин Второй Советник. В руках у него был свиток, которым он торжественно размахивал.

Второй Советник. Помилование. Помилование!

По площади пронесся вздох разочарования. Зато мальчик на эшафоте перестал плакать и теперь во все глаза смотрел на Второго Советника.

Второй Советник. Бургомистр милует одного. Ганса Шмидта!

Лицо Ганса, которое до этого было абсолютно спокойно, свела нервная судорога.

Ганс. А что же с другими?

Второй Советник. Их повесят. Поздравляю, Ганс. Сегодня день твоего второго рождения.

Палач равнодушно принялся снимать петлю с шеи Ганса.

Ганс. Нет, я не уйду отсюда. Я не могу бросить своих друзей.

Второй Советник. Хочешь все-таки быть повешенным вместе с ними?

Ганс. Могу я обменять свою жизнь на жизнь Эмилии?

Второй Советник. Нет, это не обсуждается. Вон отсюда! Вон!

Ганс. Я не уйду без них.

Второй Советник. Стража! Уведите его!

Стражники проворно вбежали на эшафот и схватили Ганса. Довольно бережно его спустили вниз. Ганс не сопротивлялся – понимал, что это бесполезно. А лупоглазая, глупая, ненасытная толпа продолжала молча наблюдать за происходящим. И, собравшись с силами, Ганс закричал этой толпе.

Ганс. Их кровь будет на ваших руках! На вас – молчаливых зрителей! На вас – равнодушных ротозеях!

В этот момент господин Первый Советник махнул платком. Палач молниеносно выбил доску из-под ног детей. Девочка и мальчик забились в судорогах, задрыгали ногами, раскачивая каждый свою веревку. Но через минуту затихли. Они были мертвы. Толпа ахнула и начала расходиться. Два маленьких мальчика, сидевших до этого на заборе близлежащего дома, спрыгнули и, обнявшись, зашагали вниз по мостовой. Один мальчик пожаловался другому.

Первый Мальчик. Меня сейчас вырвет...

Второй Мальчик. Видел, как они корчились?

Второй мальчик, словно паяц, изобразил предсмертные корчи повешенных.

Первый Мальчик. Не надо, меня сейчас вырвет.

Второй Мальчик (голосом Глашатая). Они кормили крыс! Они заслуживают смерти!

Первый мальчик отчего-то засмеялся, и оба они скрылись за поворотом.

3

Бургомистр стоял у распахнутого окна в своем кабинете в ратуше. Он был серьезен. У него болела голова, к тому же он явственно чуял, как в городе накаляется атмосфера. Даже воздух, чудилось ему, пропитался ненавистью, хотя, по правде говоря, воздух в городе пах весной и цветущими липами. Но отчего он так чувству-

ет – объяснить это Бургомистр не мог. Об этом он как раз хотел спросить своего Первого Советника, но тот все не шел. Наконец дверь кабинета скрипнула. Бургомистр обернулся. В кабинет зашел Первый Советник и, не дожидаясь приглашения, сел в кресло.

Бургомистр. Вы неторопливы.

Первый Советник. Прошу простить меня покорнейше. Я не далее как четверть часа назад успокаивал безутешных матерей. Не так-то просто уйти от рыдающих женщин.

Бургомистр. А что случилось?

Первый Советник. Дети заигрались в чулане, и крысы... В общем... Некоторые матери так и не смогли опознать своих детей...

Бургомистр. Как? Где это случилось?

Первый Советник. На Липовой улице, это недалеко от ратуши...

Бургомистр. Я знаю эту улицу... Как? Как такое возможно? Каким образом дети оказались в этом чертовом чулане?

Первый Советник. Дело ведь не в чулане...

Бургомистр. А в чем?

Первый Советник. Крысы заполонили город, ваше сиятельство... Крысы повсюду. Они сжирают наши запасы. Они убивают наших детей.

Бургомистр. Вы действительно их видели?

Первый Советник. Кого? Детей?

Бургомистр. Крыс.

Первый Советник. Не далее как сегодня утром.

Бургомистр. Странно, в моем доме крыс нет совсем...

Первый Советник. Не все живут в таких прекрасных домах, как ваш, ваше сиятельство. К тому же, быть может, вы просто о них не знаете?

Бургомистр. То есть вы хотите сказать, что и в моем доме тоже...

Первый Советник. Крысы повсюду. Они везде.

Бургомистр. А кошки... Что делают кошки?

Первый Советник. Увы, говорят, крыс в городе стало так много, что они сбиваются в стаи и нападают на кошек...

Бургомистр. Какое-то проклятие...

Первый Советник. Но есть в городе люди, которые еще и кормят этих крыс...

Бургомистр. Слышал, слышал... И что за люди? Они в своем уме?

Первый Советник. Не знаю, ваше сиятельство, по-моему, просто ненавистники всего рода человеческого.

Бургомистр. Но тогда они не должны жить в нашем городе. Они вообще не должны жить.

Первый Советник. Мы стараемся, ваше сиятельство. Мы истребляем их с ястребиной яростью... Но, к сожалению, меньше их не становится. Понимаете, на самом-то деле уничтожить нужно не их, а крыс...

Бургомистр. Но как этих крыс уничтожить?

Пауза.

Первый Советник. Нам нужен крысолов...

Бургомистр. Где же мы его возьмем?

Первый Советник. В Кенсбурге в двухсот милях отсюда живет один крысолов. Слава о нем идет по всем городам. Говорят, что он изгоняет крыс чуть ли не магией...

Бургомистр (усмехается). Магией... Боюсь, что магия нас не спасет.

Первый Советник. Я говорю – чуть ли. Конечно, он обладает некими секретами, которые и помогают ему очищать город от крыс так ловко, что люди начинают подзревать в нем колдуна.

Бургомистр. А можно каким-то образом заманить этого крысолова к нам?

Первый Советник. Можно. Но есть одно но...

Бургомистр. Говорите.

Первый Советник. За свои услуги он требует треть казны.

Бургомистр. Треть казны! Это невыносимо!

Первый Советник. Я тоже так считаю... Но в последнее время он стал чрезвычайно известным...

Бургомистр. О трети казны не может идти и речи.

Первый Советник. Хорошо. И еще хотел предупредить вас. В городе волнения.

Бургомистр. Да. В городе беспокойно. Я и сам это чувствую.

Первый Советник. Народ требует расправы над крысами. Сегодня на одном из домов я видел надпись, нацарапанную углем: «Долой бургомистра – защитника крыс».

Бургомистр. Долой? Так и было написано?

Первый Советник. Да. Люди устали. Вы сами знаете, как тяжело приходится нашему городу – мы не имеем ни моря рядом, ни полноводной реки, кишасей рыбой. Наша земля не дает таких урожаев, как земля наших соседей-южан. Наша сила в наших горах, но добыча руды – тяжелый грязный труд, который превращает жителей нашего города в людей грубых и зачерстневших. Такой придет после тяжелого дня домой, выпьет жене и сыну, откупорит бутылку вина, выпьет ее залпом и счастлив. Но тут в домах людей поселяются крысы. Их становится так много, что даже выпить теперь ты не можешь. Иначе заснешь пьяным мертвецким сном, а там мало ли что может случиться... Конечно, люди негодуют. Люди озлоблены. Люди хотят работать, а потом пить вино. Безо всяких крыс. Вот и пишут черт знает что на стенах...

Бургомистр. Надеюсь, вы приказали закрасить надпись?

Первый Советник. Конечно. Стена снова как новенькая. Но ведь эта надпись – только самая маленькая вершина народного недовольства. Что творится там, внутри их домов, – этого не знаю даже я.

Пауза.

Бургомистр. Зови своего крысолова.

4

На косогоре вблизи небольшой речушки, почти ручья, у костра собралась компания – четверо подростков лет шестнадцати. Ганс сидел в центре. Элизабет – самая старшая из них – перевязывала Гансу белой тканью кровоточащие запястья.

Элизабет. Они издевались над тобой... Мучали тебя...

Ганс. Какая разница... Остальных они повесили...

Элизабет. Уроды... Самые настоящие уроды.

В это время Жак, неотрывно до этого смотревший на огонь, поднял голову.

Жак. Нам нужно что-то делать... Куда-то идти.

Андреас – самый маленький и щуплый мальчик – вдруг взорвался.

Андреас. Куда идти? На эшафот?

Элизабет. Как же они достали со своими крысами... Кто-нибудь вообще видел этих крыс?

Жак. Я – нет.

Андреас. Я как-то раз ночью видел, как в подворотню метнулась чья-то маленькая тень. Но, возможно, это была тень кошки...

Элизабет. Они убьют нас всех. Просто потому что им нужно отчитаться перед Бургомистром – мы боремся. Неважно с кем... Мы просто боремся.

Ганс. Как думаешь, нам стоит залечь на дно?

Элизабет. Что ты имеешь в виду?

Ганс. Стать тихими и незаметными, стать тенью или даже меньше, чем тень, чтобы они забыли про нас и не приходили за нами.

Элизабет. Ты предлагаешь нам умереть?

Ганс. Нет, я предлагаю стать кем-то, кем мы еще не были. Я стоял на эшафоте с веревкой на шее. Это неприятное чувство. Возможно, самое неприятное чувство, которое я когда-либо испытывал. Я не хочу больше на эшафот...

Элизабет. И поэтому ты хочешь похоронить себя заживо?

Ганс. Нет... Впрочем, я не знаю... Я боюсь. Тогда, когда я предлагал отдать свою жизнь за Эмилию, во мне не было страха. Я хотел подвига, хотел спасти нас всех. А теперь, когда все закончилось, во мне поселился страх.

Жак. Думаешь, все бесполезно?

Ганс. Просто я не знаю, как объяснить... Мы – другие. Почему мы такими родились – вот вопрос. Но мы совсем не такие, как они. Мы не хотим добывать с утра до ночи руду, как это делают наши отцы, мы не хотим, чтобы нас грабили Бургомистр и его свита, мы считаем, что собаки и кошки заслуживают лучшей жизни, чем та, что есть у них сейчас, мы учим нищих чтению. Нам никогда не договориться с ними... Я решил для себя кое-что.

Элизабет. И что же?

Ганс. Уйду из города с первой бродячей цирковой труппой, которая забредет к нам.

Элизабет. Что? Ты хочешь уйти?

Ганс. Да. Я – отличный жонглер и певец, вы это знаете... Думаю, они примут меня к себе...

Элизабет. И ты оставишь нас?

Андреас. А я тебя понимаю... Другого выхода нет. Ты это верно подметил, мы – другие. Но доказать им мы ничего не сможем. А значит, надо уходить из города.

Элизабет. Я не могу уйти из города, я – единственная дочь у своих родителей.

Андреас. Ганс тоже единственный сын...

Элизабет. Ганс, послушай, ты не можешь взять и вот так вот бросить нас! После всего того, что случилось. После смерти Эмилии и Йозефа. Ты должен остаться... В память о них.

Ганс. Даже в память о них я не могу... Я не могу здесь больше жить, понимаешь? Не могу! Я не могу жить в городе, в котором казнят детей! Эмилии не было и пятнадцати!

Жак. Ганс прав. Он чудом избежал смерти на этот раз, но вряд ли его помилуют в следующий. Ему нужно уходить.

Элизабет. Предатель! Подлый предатель!

С этими словами Элизабет поднялась с земли и быстрыми шагами пошла к берегу реки. Никто не стал ее догонять.

Жак. Ты прав, Ганс. Ты во всем прав. Я бы тоже ушел. Но мне некуда.

Ганс. Почему ты так думаешь?

Жак. Я не умею так ловко жонглировать, как ты. Не умею петь, как ты. Я медлителен и глуп.

Ганс. Это не так.

Андреас. Спой лучше, Ганс. У тебя это всегда хорошо получается.

Ганс. После казни голос совсем осип... Но я попробую.

И Ганс тихонько запел. «На берегу реки жила девчонка одна, и в глазах ее отражалась луна, ла-ла-ла, ла-ла-ла», – пел он. Жак закрыл глаза и молча слушал Ганса. Андреас ворошил палочкой угли догоревшего костра и тоже молчал. Каждый думал о своем. Вдруг между деревьями мелькнула чья-то тень. Подростки не сразу обратили на нее внимание. Они заметили ее только тогда, когда тень вышла к костру. Она оказалась хрупкой девушкой лет шестнадцати в белом кисейном платье. Ганс всмотрелся в ее лицо и потерял дар речи – это была Анни, дочь Бургомистра.

Ганс. Ваше сиятельство...

Анни. Простите, что помешала вам. Но вы так хорошо пели...

От неожиданности Жак открыл рот и забыл его закрыть. Первым заговорил Андреас.

Андреас. Госпожа Анни, позвольте задать вам нескромный вопрос – что вы здесь делаете?

Анни. Я услышала пение. Понимаете, я давно его слышу, почти каждый вечер, с террасы своего дома. И оно так нравилось мне, что я решила прийти сюда и увидеть своими глазами человека, который так хорошо поет.

Трое друзей переглянулись.

Ганс. Ваш отец знает, где вы?

Анни. О, не переживайте! Я сбежала из дома. Я с двенадцати лет умею лазать по заборам...

Ганс. Что же, приятно познакомиться, ваше сиятельство...

С этими словами Ганс встал и учтиво поклонился.

Анни. Не называйте меня, пожалуйста, вашим сиятельством... Я пришла к вам как обычная девочка. Я пришла, чтобы послушать вас. Как вас зовут?

Ганс. Ганс.

Анни. Как здорово! Ганс! Я никогда в жизни еще не знала ни одного Ганса.

Ганс. А я никогда еще в жизни не разговаривал с благородной госпожой, которая хотела бы, чтобы к ней относились как к обычной девочке.

Анни. Это все оттого, что мне ужасно скучно в нашем доме... Меня никуда не выпускают. Все, что мне позволено, – иногда поиграть в саду с кузинами. А мне бы хотелось жить... так же привольно, как вы.

Жак. Да уж, живем мы привольно – ничего не скажешь!

Андреас. Свобода хлещет через край! Иногда, правда, заливают кровью глаза.

Анни. Я не понимаю, о чем вы...

Андреас. О том, что держись от нас подальше, дурочка! Гансу вчера чудом удалось избежать смерти на виселице.

Анни (Гансу). Так вы тот самый бунтовщик, которого вчера помиловали?

Ганс. Ага.

Анни испуганно посмотрела на ребят – уж не шутят ли они над ней? А когда поняла, что они говорят всерьез, сжалась и медленно начала пятиться назад.

Ганс. Не бойся, мы не сделаем тебе ничего плохого!

Андреас. Не слушай его, мы – страшные и ужасные бунтовщики! По ночам мы ловим маленьких девочек и пьем из них кровь!

Анни подхватила полы своего платья и кинулась бежать. Ганс укоризненно посмотрел на Андреаса.

Ганс. Зачем ты так?

Андреас. Чтобы не думала о себе много...

Ганс. А если она все расскажет отцу?

Андреас. Значит, меня повесят.

Ганс. И ты не боишься?

Андреас. В последнее время мне кажется, что я уже ничего не боюсь.

Из темноты вышла Элизабет.

Элизабет. С кем вы тут разговаривали?

Андреас. Так... Местная сумасшедшая приходила просить милостыню...

Элизабет. Ганс, прости меня... Ты не предатель. Просто так надо. Другого выхода нет.

5

Бургомистр сидел в своем кабинете и задумчиво перебирал свитки. Положение дел в городе ему решительно не нравилось. Еще больше ему не нравилась перспектива расстаться с третьей городской казны. Но если Первый Советник ему не соврал и надписи на заборах правдивы, то без чертова крысолова здесь никак не обойтись. Дверь скрипнула. В кабинет, покашливая и расшаркиваясь, зашел Казначей.

Казначей. Вы звали меня, ваше сиятельство?

Бургомистр. Да. Присядь, Фред. Дело серьезное.

Казначей долго усаживался в кресле, а затем вопросительно, с собачьим выражением лица посмотрел на Бургомистра.

Бургомистр. Ты знаешь, что город атаковали крысы.

Казначей. Слышал об этом от господина Первого Советника. Сам я живу в доме у реки, туда крысы еще не забрались...

Бургомистр. Послушай, нам нужен чертов крысолов. Чтобы успокоить людей, понимаешь?

Казначей. Это верно, ваше сиятельство. Люди долго такое терпеть не станут.

Бургомистр. Но мы должны отдать ему треть казны. Чертову треть казны!

Казначей. Это непосильные деньги для города, ваше сиятельство...

Бургомистр. Я знаю. Но что нам делать?

Казначей. Может быть, обойдемся без крысолова?

Бургомистр. Люди пишут про меня на заборах черт знает что... А если эти ненавистники доберутся до моей дочери?

Казначей. Их можно повесить...

Бургомистр. Повесить всегда можно. Только все дело-то не в них. Дело в крысах. Вот скажи, откуда они взялись?

Казначей. Не знаю, ваше сиятельство...

Бургомистр. В прошлом году в городе по моему приказу проложили канализацию. Я же все сделал для того, чтобы в городе можно было нормально жить. Я все сделал для людей. И тут приходят крысы, и люди забывают про мои заслуги и пишут на стенах: «Долой Бургомистра!»

Казначей. Люди глупы. И память у них короткая.

Бургомистр. Я все равно не понимаю... Откуда крысы? Почему они пришли сейчас?

Казначей. Об этом знает только Бог.

Бургомистр. Бог... Иногда я думаю, что он не знает про нас ничего... Ты принес счетные бумаги?

Казначей. Конечно.

Казначей обстоятельно и важно принялся доставать из своего портфеля бумаги.

Бургомистр. Треть казны на сегодняшний день – это сколько?

Казначей. Сто двадцать тысяч золотых.

Бургомистр. Итого, за вычетом нашей части, шестьдесят тысяч.

Казначей эхом повторил слова Бургомистра.

Казначей. Шестьдесят тысяч...

Бургомистр. Если кто-то из людей короля сунет к нам свой нос...

Казначей. Я все сделаю. Будьте спокойны. Мы потратим на крысолова ровно сто двадцать тысяч золотых. Уж я умею заполнять свитки...

Бургомистр. И еще... Надо встретить Крысолова по высшему разряду. Прием в его честь, шампанское из лучших погребов, украсить город разноцветными фонариками... Люди должны видеть, что мы заботимся об их благе.

Казначей принялся методично записывать.

Казначей. Шампанское, фонарики...

Бургомистр. Раздайте хлеб на улице в честь такого дня...

Казначей. Не слишком ли это?

Бургомистр. *Делай, как я говорю...*

Казначей. *Раздать хлеб...*

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет вбежала дочь Бургомистра Анни. Ее розовое платье очень шло к ее покрасневшемуся лицу.

Анни. *Папочка, можно задать тебе вопрос? Мы поспорили с нянюшкой...*

Бургомистр. *Сколько раз, Анни, я просил не заходить в мой кабинет, когда у меня посетители? Сколько раз я просил тебя не делать этого?*

Анни. *Прости, папочка, я просто хотела задать вопрос: отчего солнце садится на востоке, а встает на западе? Нянюшка говорит, что это Бог его поднимает каждое утро, а я ей отвечаю, что солнце – это планета, и она ходит вокруг нашей Земли по кругу...*

Бургомистр. *Я не знаю, почему встает твое чертово солнце. Не приставай ко мне с глупыми вопросами! Почему ты не на уроке?*

Анни. *Сегодня у меня нет уроков, папочка. Сегодня воскресенье.*

Бургомистр. *Тогда иди поиграй в саду и не мешай взрослым!*

Анни. *Хорошо, папочка. Я и вправду не должна была врываться к тебе...*

Анни вышла из отцовского кабинета и побрела по лестнице в свою комнату. В пролете второго этажа она вдруг остановилась и задумчиво обвела взглядом кашпо с гортензией, деревянные перила и ступени. И вдруг истошно закричала.

Анни. *Крыса! Папочка! Здесь крыса!*

Из кабинета выбежал Бургомистр, а следом за ним Казначей. Бургомистр в один прыжок очутился на лестнице и подхватил Анни на руки.

Бургомистр. Где? Она укусила тебя? Нужно срочно вызывать доктора...

Анни. Нет. Все в порядке, папа. Просто я видела крысу...

Бургомистр с облегчением опустил дочь на пол.

Бургомистр. Они пробрались и сюда. Я прикажу людям, чтобы они облазили все уголки дома.

Казначей. Говорят, крысы умеют так ловко спрятаться, что даже самый прозорливый глаз их не найдет...

Бургомистр. Все равно... Все равно... Господи, они могли укусить мою девочку. Ты сильно перепугалась, детка?

Анни. Немного. Но теперь все хорошо.

Бургомистр. Пойдем, я отведу тебя в комнату...
(Казначей.) Вы можете приходите ко мне в любое время дня и ночи. А сейчас слуги проводят вас.

Казначей услужливо поклонился и ушел.

Бургомистр. Ничего страшного не случилось, детка. Это просто гадкая крыса... Мы их уничтожим. Придет крысолов и уничтожит их всех.

Анни. Ты посидишь со мною, папочка?

Бургомистр. Конечно. Конечно, моя дорогая. Крысы, гадкие крысы, видно, господин Первый Советник все же прав...

Анни. А что за крысолов к нам приедет?

Бургомистр. О! Это большая знаменитость!

Анни. К нам приедет знаменитость! Ура!

Бургомистр. Ну, идем в комнату, я тебе все расскажу...

6

Ганс поднимался по скрипучей винтовой лестнице. Здесь, под самой крышей, ютилась его семья. Ганс тихо вошел в тесную квартирку и, стараясь никого не потревожить, шмыгнул к себе. В тот же миг в соседней комнате послышались тяжелые шаги. Дверь Гансовой комнатки распахнулась, и на пороге возник отец Ганса с керосиновой лампой в руках.

Отец. Как ты... Как ты посмел...

Ганс. О чем ты, папа?

Отец. Выходить из дома после того, как... Мы с матерью чуть не поседали, когда слышали приговор. Я думал, умру на месте... И после того как тебе удалось чудом избежать смерти, ты продолжаешь сбегать по вечерам и общаться с этими отбросами общества...

Ганс. Они – не отбросы. Они – мои друзья.

Отец. Друзья?! Мы платим с матерью такие деньги за твое обучение! Мы работаем в аптеке, не разгибая спин, чтобы ты стал врачом! А у тебя на уме одни друзья!

Ганс. Неправда. Я учусь.

Отец. Ты думаешь не о том, Ганс.

Ганс. О чем же я, по-твоему, должен думать?

Отец. О нас с матерью.

Ганс. Я думаю и о вас тоже. Но все-таки моя жизнь мне важнее.

Отец. Что? Вы посмотрите на этого щенка!

Ганс. Я хочу быть счастливым, отец.

Отец. Но для того чтобы стать счастливым, ты должен окончить университет, жениться и родить нам с матерью внуков.

Ганс. Нет, я должен совсем не это. Я должен быть собой.

Отец. Что значит быть собой?

Ганс. Делать то, что считаю правильным.

Отец. А ну-ка, расскажи мне, что, по-твоему, является правильным? Кормить бездомных животных? Сажать деревья? Учить нищих читать? Чем вы там еще занимаетесь? Это смешно, Ганс. Это можно помереть от смеха как смешно! Зачем сажать деревья? Деревья растут сами где захотят, так заведено Богом. Зачем учить нищих чтению? Это все твоя глупость! Блажь!

Ганс. Можешь считать, что это моя блажь.

Отец. Мы столько вкладываем в тебя с матерью. Чего тебе еще не хватает? У тебя все есть, все!

Ганс. Мне не хватает свободы.

Отец. Что? Какой еще свободы?

Ганс. Я хочу делать то, что считаю нужным. Мы никому не мешаем, мы не делаем ничего плохого. Но они нас ловят и казнят...

Отец. Потому что кругом крысы, а тут еще вы со своими чудачествами...

Ганс. Ты видел хоть одну крысу в городе?

Отец. Нет. Но я знаю, что они есть. Слышал, крысы загрызли четверых детей? Обглодали их косточки так, что матери не смогли узнать.

Ганс. Откуда ты знаешь, что это правда?

Отец. Об этом написали в газете.

Ганс. Папа, я не верю им...

Отец. Это все твоя гордыня. Ты считаешь себя самым умным, вот и не хочешь поверить в очевидное.

Ганс. В том-то и дело, что это не очевидно.

Отец. Ганс, ты слишком многое на себя берешь... Почему ты не можешь жить как все?

Ганс. Потому что я не как все. Я смотрю, как мы живем, и думаю – почему так? Почему одни люди вынуждены побираться на улице или ютиться на чердаке, как мы, а другие утопают в роскоши? Одни горбчатся с утра до ночи, чтобы выучить свое дитя, а другие нанимают лучших учителей для своего ребенка, и им это ничего не стоит.

Отец. Потому что так заведено.

Ганс. Кем заведено?

Отец. Богом.

Ганс. Ну тогда у меня большие вопросы к Богу.

Отец. Не богохульствуй! Твоя гордыня не знает границ. Кто ты такой, чтобы разрушать наши устои?

Ганс. А если эти устои ошибочны?

Отец. Хватит ломать комедию! Вот что! Мы решили с матерью, что с сегодняшнего дня ты будешь сидеть дома.

Ганс. А университет?

Отец. Университет и дом – вот два места, в которых тебе будет дозволено находиться.

Ганс. Ты думаешь, что сможешь меня удержать?

Отец. Не дерзи отцу! Если в тебе осталась хоть капля совести, ты не посмеешь ослушаться родителей.

Ганс. Что же... Мне придется уйти из дома.

Отец. Что?

Ганс. Я давно об этом думал, папа. Мы с вами – с тобой и матерью – совсем разные. Мы не понимаем друг друга. Мы говорим с вами как будто на разных языках.

Отец. Тебя в университете научили этим словечкам?

Ганс. Нет. Просто я много думал об этом. Мне иногда кажется, что вы – вовсе не мои родители, а мои родители живут где-то в другой стране...

Отец пристально посмотрел на Ганса и со всего размаху залепил сыну оплеуху.

Отец. Молокосос! Тварь! Щенок!

Ганс (*подставляя другую щеку*). Можешь ударить меня еще раз, если хочешь. В застенках городской тюрьмы я привык к такому обращению...

Отец по-стариковски тяжело сел на кровать Ганса, опустил голову и заговорил тихо, как человек, который вдруг осознал, что случилось непоправимое.

Отец. Куда ты собрался, Ганс?

Ганс (*пожав плечами*). Все равно... Уеду, как только подвернется случай.

Отец. Нет, Ганс, нет. Ты – мой единственный сын, я никуда тебя не отпускаю.

Ганс сел рядом с отцом и взял его за руку.

Ганс. Тебе придется, отец. Я не могу здесь больше жить.

Отец. Но все-таки объясни мне, в чем дело. Свобода и все такое прочее – это, конечно, хорошо, но в чем конкретная причина твоего нежелания жить с нами?

Ганс. Ты все равно не поймешь, папа...

Отец. И никто не поймет. Потому что все, что ты говоришь, – ересь.

Ганс. Знаешь, зачем мы учим нищих читать? Затем, чтобы они научили этому своих детей, и их дети больше не работали в шахте за ту жалкую плату, за которую в ней работают люди. Для того чтобы им не приходилось просить подаяние, как приходится это делать их родителям.

Отец. Какое дело тебе до попрошаек, деревьев, кошек и собак? Ведь ты сам – не нищий, не дерево, не кошка и не собака. Ты – сын аптекаря. Пусть бедного аптекаря, но ты знаешь, как много нам пришлось с матерью продать, чтобы ты мог учиться... Ты не можешь уйти, Ганс! Ты не можешь вот так вот взять и бросить нас с матерью.

Ганс. Мне здесь нечем дышать, папа.

Отец. Это блажь! Это глупость! Это все твои фантазии! Мы хорошо живем. Пусть небогато, но мы живем, слава богу, на кусок хлеба нам хватает. Если ты станешь врачом, будет хватать и на большее.

Ганс. Кругом невежество, грязь, дикость, жестокость, а я должен, по-твоему, закрыть глаза и довольствоваться тем, что в доме всегда есть кусок хлеба?

Отец. Зачем ты думаешь о других, Ганс? Думай о себе. Только о себе.

Ганс. Я так не могу...

Отец. Ганс, не бросай нас с матерью, прошу тебя.

Ганс. Я буду навещать вас.

Отец. Мы не сможем без тебя, сынок.

Ганс. Я бы очень хотел остаться, папа. Но я не могу. Меня повесят рано или поздно, ты что, не понимаешь?

Отец. Не высовывайся лишний раз, и все будет хорошо. Ты станешь врачом, уважаемым человеком... А про этот случай к тому времени все забудут...

Ганс. Мне не нужно, чтобы люди забывали. Я не могу жить в городе, где молчаливое большинство думает так же, как ты.

Отец. Ты еще слишком молод. Эти твои мысли пройдут. И что за поколение нынче? Им во всем нужно выскочить, показать себя, добиться правды. Мы для них – старье, посмешище, наши взгляды, наши устои – позапрошлый век. Как жить среди них? Как их понять? Ведь понять их невозможно... Не почитают Господа, не ходят в церковь,

смеются над властью... Видно, пришли последние времена на земле.

Ганс. Я пойду прогуляюсь.

Отец. Куда ты собрался? Ты же только пришел.

Ганс. Мне нужно побыть одному.

Отец. Одному? Что значит – побыть одному? У тебя есть целая комната, ты в ней, кажется, один.

Ганс. Мне нужно просто спуститься к реке и подумать.

Отец. То есть ты хочешь уйти прямо сейчас? Нет, я тебя не отпускаю.

Ганс. Я вернусь, папа.

Отец. Вернешься?

Ганс. Сегодня – да. Я вернусь.

Отец. Когда?

Ганс. Через два часа. А может быть, и раньше.

С этими словами Ганс поцеловал руку отцу и вышел.

Отец. Ничего не понимаю... Ему нужно побыть одному. А зачем человеку быть одному? Разве Господь создал человека для того, чтобы он был один? В наше время мы бежали от одиночества, одинокие люди вызывали всяческое подозрение. А теперь они все хотят быть поодиночке. В какое страшное время мы живем...

7

По узкой тропинке Ганс спустился к реке. Он подошел к самому ее берегу и долго смотрел на течение воды. Никто никогда не узнает, о чем он думал в этот момент. Ганс уже собрался было уходить, как вдруг за его спиной прозвучал тихий голосок.

Анни. Вы сегодня не поете?

Ганс обернулся и увидел перед собой Анни. Она стояла на таком расстоянии, что в этот раз он мог хорошенько рассмотреть ее лицо. На Ганса смотрела белокурая чуть курносая девочка с веснушками на щеках. В ее лице, казалось, не было ничего величавого, ничего такого, что отличало бы ее от соседских девчонок. Под пристальным взглядом Ганса Анни смутилась, и ее щеки залило румянцем, какой бывает только у тонкокожих людей. Ганс понял, что смотрит на девочку слишком долго, и потому поспешно отвел глаза.

Ганс. Нет, сегодня я не пою.

Анни. А вчера вы так хорошо пели...

Ганс. Извините нас за вчерашнее. Мы вовсе не хотели вас напугать...

Анни. Ничего. На самом деле это я – трусиха...

Ганс. На вашем месте я бы тоже испугался...

Анни. На самом деле я не очень сильно испугалась...

Тут Анни впервые улыбнулась.

Анни. По крайней мере, не до смерти... Знаете, я так долго слушала ваши песни, сидя на террасе, что выучила их почти наизусть. И я подумала, что не может человек с таким голосом быть опасным преступником. Наверное, если вас помиловали, вы не самый пропавший человек...

Ганс. Вы правда считаете, что на виселицу отправляют только пропавших?

Анни. Не знаю... Мне так казалось...

Ганс. Каждую неделю они вешают недовольных, объясняя это борьбой с крысами!

Анни. Но что поделать, если эти люди кормят крыс?

Ганс. Вы видели в своей жизни хоть одну крысу?

Анни. Если честно, то нет.

Ганс. И я нет. Так ли уж страшны эти крысы, как об этом говорят?

Анни. Тогда зачем же они вас вешают? То есть не вас, а их...

Ганс. Им не нравятся наши лица.

Анни. А что не так с вашим лицом?

Ганс. Оно выглядит слишком умным.

Анни. Я вас не понимаю...

Ганс. И не поймете. Ведь вы росли совсем в другом мире. В вашем мире не было ни бедности, ни невзгод. Ваши родители не продавали дом, чтобы выучить вас и сделать из вас человека; когда вы болели, по первому зову к вам приходил доктор; вы никогда не считали последние копейки, чтобы купить немного муки. В вашем мире все правильно и хорошо: белое – это белое, черное есть черное, в тюрьмах сидят только плохие люди, орден получают только хорошие.

Анни. Не думайте, что я такая дура. Я знаю, что в нашем городе очень много бедности. Я раздаю милостыню нищим на каждый церковный праздник.

Ганс. Конечно, ведь вы же святая!

Анни. А вы – хам!

Глаза Анни сверкнули гневом.

Ганс. Не обижайтесь на меня, я не хотел вас обидеть...

Анни. Разве я виновата в том, что родилась в семье Бургомистра, а не простого рабочего? Так распорядился Бог, а не я.

Ганс. Как вы легко себе это объясняете!

Анни. Если хотите, я вообще уйду!

Ганс. Нет, почему же... Я это место не купил.

Анни насупилась и принялась обиженно смотреть на воду. Наконец она сбивчиво заговорила.

Анни. Но поймите, я и вправду переживаю за наш город. Я знаю, сколько людей в нашем городе страдают и нуждаются. Я делаю все, что в моих силах: раздаю еду по праздникам, жертвую деньги в общество попечителей сиротского дома. Но чем я могу пожертвовать еще? Я не хочу уходить в монастырь и надевать на себя власяницу только потому, что родилась дочерью Бургомистра.

Ганс. Никто вас и не заставляет. Просто поймите, что не все, кто восходят на эшафот, преступники и пропащие люди...

Анни. Это я, кажется, понимаю... Почему вы здесь один?

Ганс. Пришел подумать о своей жизни.

Анни. Я тоже часто думаю о жизни.

Ганс. И к каким выводам приходите?

Анни. Что жизнь – грустная штука. Я все время в доме одна. У меня нет подруг. Ни одной. Девочки, с которыми я могу дружить, кажутся мне скучными. А на улицу без присмотра меня не выпускают. Я думала раньше, что было бы здорово влюбиться в кого-нибудь, но сейчас я поняла – лучше не влюбляться понапрасну, ведь отец все равно выдаст меня замуж за того, за кого посчитает нужным.

Ганс. Да уж... Невеселая перспектива.

Анни. Иногда мне хочется сбежать из дома с первыми заезжими циркачами...

Ганс вскинул голову и вопросительно посмотрел на Анни.

Ганс. Это моя мечта.

Анни. Нет, моя. (Пауза.) А вы тоже об этом мечтаете?

Анни и Ганс посмотрели друг на друга и счастливо засмеялись.

Анни. А еще я мечтала бы самой отправиться в лавку... Да только меня там непременно узнают. Поэтому если я куда-то и сбегаяю, то только сюда.

Ганс. Хотите, мы с ребятами что-нибудь придумаем?

Анни. Что, например?

Ганс. Например, сошьем вам парик и бороду...

Анни захохотала.

Анни. Бороду! Вот такой длины!

Ганс. Ага! И все будут принимать вас за старичка!

Анни. А я буду говорить вот таким голосом: «А выдайте мне, пожалуйста, булку хлеба и крынку молока!»

Анни и Ганс сели на траву.

Ганс. Вы не испачкаете свое платье?

Анни. А! Даже если и заметят, мне принесут новое.

Ганс. Не слишком-то вы цените труд тех, кто на вас работает.

Анни. Можно подумать, вы сами стираете свое платье!

Ганс не на шутку смутился.

Ганс. Вы правы. Мне стирает мать. Нужно срочно это исправить.

Анни. Не переживайте, мы не испачкаемся. Лучше спойте мне что-нибудь.

И Ганс запел: «На берегу реки жила девчонка одна, и в глазах ее отражалась луна, ла-ла-ла, ла-ла-ла». Ганс пел

до тех пор, пока вдруг с неба на подростков не обрушились капли дождя. Прогредел гром, и дождь припустил как из ведра. Ганс схватил Анни за руку.

Ганс. Бежим под дерево!

Анни и Ганс побежали к ближайшей иве, которая своими разросшимися ветвями создавала что-то вроде укрытия. Забраться в это укрытие можно было, только тесно прижавшись друг к другу, что подростки и сделали. Ганс снял с себя сюртук и накинул его на плечи Анни. А затем неловко положил ей руку на плечо.

8

А в городе тем временем вовсю шла подготовка к празднику, приуроченному ко дню приезда Крысолова. Рабочие, те же самые, что еще неделю назад возводили эшафот, на этот раз собирали из деревянных досок на площади что-то вроде подмостков для уличного представления. Снова-ли туда-сюда торговли цветами, толкали свои лотки на колесах продавцы леденцов. На площади уже собирались люди. Был тут и палач. Он жевал булку из кондитерской Господина Пуаре и глазел на катающихся на деревянной карусели людей. Люди смеялись и визжали, а палач думал о том, как брэнна, в сущности, человеческая жизнь – ведь каждый из этих людей завтра мог оказаться у него на эшафоте. К палачу подошел Башмачник.

Башмачник. Доброго вечера, кровопийца.

Палач. И тебе не болеть, старый крот.

Башмачник. О чем задумался?

Палач. О том, как скоротечна человеческая жизнь и как легко она может измениться в один момент.

Сегодня ты катаешься на карусели, а завтра подписываешь признание в пыточной камере.

Башмачник. А ты сегодня никого не вешаешь и не пытаешь?

Палач. Ты, я посмотрю, тоже не сидишь и не горбаешься над своими башмаками.

Башмачник. Сегодня в честь праздника у меня выходной.

Палач. Вот и у меня выходной. В честь праздника.

И палач откусил огромный кусок булки, который едва поместился ему в рот.

Башмачник. Что сегодня будет, не знаешь?

Палач только и смог промычать с набитым ртом.

Палач. Пьедставьение... Цыкачи...

Башмачник одобрительно кивнул головой.

Башмачник. Люблю цирк...

Два уже знакомых нам мальчика сидели на заборе дома.

Первый мальчик. Я тебе говорю, у него песья голова, и изо рта у него вырывается огонь, как у дракона!

Второй мальчик. Вот откуда ты знаешь? Я слышал, мне взрослые сказали, что у него орлиная голова.

Первый мальчик. Если у него орлиная голова, то должны быть и крылья. Крылья у него есть?

Второй мальчик. А может, и есть.

Первый мальчик. Чем докажешь?

Второй мальчик. Вот еще – доказывать ему!

Первый мальчик. А если доказывать нечем – значит, все это враки.

Второй мальчик. А вот и не враки! Вот и взаправду!

Первый мальчик. Какие у тебя доказательства? Нет у тебя доказательств.

Второй мальчик. А вот я сейчас как наподдам тебе, будешь знать, какие у меня доказательства.

Первый мальчик. Сам не знает ничего, а говорит.

Второй мальчик. Я знаю! Знаю! Мне это брат сказал!

В подтверждение своих слов второй мальчик со всего размаху ударил первого по плечу, и оба они полетели с забора вверх тормашками.

В это время в доме Бургомистра царила все та же самая суматоха. Слуги бегали из комнаты в комнату, словно заведенные, из кухни валил густой пар, а Бургомистр сам лично справлялся о том, как идут дела. В очередной такой раз, когда Бургомистр пробежал мимо комнаты дочери, оттуда выскочила Анни и кинулась к отцу.

Анни. Папа, скажи ей, скажи нянюшке, чтобы она так сильно не затягивала мне корсет. Мне нечем в нем дышать!

Бургомистр. Но ты же девушка...

Анни. Я девушка, значит, человек, а люди еще не научились жить без воздуха.

Бургомистр. Не переживай, все через это проходят...

Анни. Папа, пожалуйста, скажи ей. Она стоит на своем и ни за что не хочет мне уступить.

Бургомистр. Анни, перестань расстраиваться из-за всякой ерунды. Что ты ко мне пристала? Ты видишь, мне некогда!

И Бургомистр поспешил вниз по лестнице.

В ратуше было многолюдно и душно. Люди высшего круга собрались здесь, чтобы поприветствовать Крысолова. Две дамы, по виду герцогини или баронессы, стояли чуть в стороне, обмахиваясь веерами.

Первая дама. Говорят, ростом он выше герцога Туринского. Встречала ли ты раньше людей выше герцога? Я – нет. Ужасно любопытно увидеть, какой он.

Вторая дама. Я слышала, что он невероятно хорош собой и не одна дама пала перед его чарами.

Первая дама. Забавно... Я слыхала, что он аскет и почти монах, а еще – что он очень скромн и худ лицом.

Вторая дама. Не терпится уже его увидеть...

Вдруг по залу пронесся отчетливый шепот: «Едет! Едет!» Все присутствующие в зале бросились к окнам. Из толпы то и дело раздавалось:

– Подъехал...

– Какая богатая у него карета!

– Это карета нашего Бургомистра, свою он, верно, оставил у него при дворе.

– Кажется, он не так высок, как о нем говорили.

– Идут в ратушу! Идут!

И толпа отпрянула от окон. Все снова принялись разговаривать и делать вид, что ничего особенного не происходит. Наконец двери бального зала ратуши распахнулись, и в зал вошли Бургомистр и Анни. Они вели за собой довольно высокого (но не выше герцога Туринского) молодого человека с рыбьими глазами и невыразительным лицом. Человек оглядел толпу и улыбнулся. Улыбка

была у него кривая, больше похожая на усмешку. Он внимательно рассматривал собравшихся. Бургомистр гостеприимно вывел Крысолова в середину зала.

Бургомистр. Ну вот и свершилось то, чего мы так долго ждали! К нам приехал господин Крысолов. Про него ходят слухи, что он маг и волшебник, но, конечно, это всего лишь слухи. Просто господин Крысолов знает некий секрет, который и помогает ему справляться с крысами.

В зале раздались аплодисменты. Дамы с интересом разглядывали именитого гостя. Бургомистр взял Крысолова за руку и жестом указал Анни следовать за ними. Все трое вышли на балкон ратуши, и, оглядев под собой многотысячную толпу, Бургомистр закричал.

Бургомистр. Я привез вам Крысолова! Мы покончим с крысами навсегда! Он приехал! Он с нами! Он спасет всех нас.

«Ура! Ура!» – закричала толпа и стала бросать цветы и шапки в воздух.

И тут что-то хлопнуло, застрекотало, и в небо устремились целые снопы разноцветных огней. Народ блаженно ахнул. Люди в городе Гамельне любили фейерверки.

Огромный стол ломился от яств. Уж Бургомистр позаботился, чтобы его стол был великолепен. За столом чинно восседали все те же люди, что встречали Крысолова в ратуше. Лилось много праздничных речей и тостов в его честь. Крысолов учтиво кланялся каждому оратору,

но более не проронил ни слова. Рядом с Крысоловом сидела Анни и не могла ни съесть, ни выпить ни крошки. Крысолов наклонился к ней и заговорщицки прошептал.

Крысолов. Кажется, тебе слишком затянули корсет...

Анни было приснула со смеху, но тут же приняла серьезное выражение лица.

Анни. О нет. Я просто не голодна.

Крысолов. Тебе не идет притворяться. Я же вижу, ты голодна как слон.

Анни. Я так и не смогла убедить сегодня нянюшку, что мне нужно иногда дышать.

Крысолов. Какое скучное мероприятие, правда?

Анни. Ну... Если честно, то да.

Крысолов. Давай убежим отсюда?

Анни. Но как?

Крысолов. Просто возьмем и убежим. Уверяю тебя, они и не заметят.

Анни. Просто встанем и уйдем?

Крысолов. Сначала выйду я. Потом ты скажись папеньке больной и тоже выходи. Встречаемся в саду, за тисовым деревом.

Анни. Но я... Не могу...

Крысолов. Просто покажешь мне дом, а если ты стесняешься, можем просто посидеть в саду. По крайней мере, из всех присутствующих ты мне кажешься единственным интересным человеком.

Анни. Правда?

Крысолов. Я никогда не вру.

Крысолов что-то прошептал на ухо Бургомистру, Бургомистр кивнул, и Крысолов вышел из-за стола. Впро-

чем, торжественная часть к тому времени закончилась, многие уже были порядком пьяны, и мало кто заметил исчезновение Крысолова. Посидев какое-то время за столом, Анни сказала отцу.

Анни. Папочка, у меня так болит живот.

Бургомистр. Что? Болит живот? Сильно? Приказать позвать доктора?

Анни. Нет, я просто переела...

Бургомистр, доедая куриную ножку, нравоучительно изрек.

Бургомистр. Ну вот, учил же я тебя не наедаться на светских приемах!

Анни. Я пойду полежу в свою комнату.

Бургомистр. Хорошо, иди, детка.

И Анни выпорхнула из-за стола, словно маленькая птичка.

11

Встретив Анни у тисового дерева, Крысолов первым делом развязал на ней корсет.

Анни. Что вы себе позволяете?!

Крысолов. Дыши.

Анни вдохнула воздух полной грудью и блаженно улыбнулась.

Анни. Это орудие пыток придумал дьявол.

Крысолов внимательно посмотрел на Анни.

Крысолов. А ты и вправду интересная...

Анни зарделась, словно помидор.

Анни. Да нет... Я обычная.

Крысолов. С чего ты это взяла?

Анни. Ну, во мне нет ничего такого, что делало бы меня какой-то особенной. Пою я неважно, рисую тоже, с математикой плохо, танцую так себе, и вообще меня часто ругают учителя.

Крысолов. Зато ты смешная.

Анни. Смешная?

Крысолов. Да. На тебя интересно смотреть. Все твои чувства у тебя на лице, твое лицо – словно зеркало твоих мыслей.

Анни. Ну и о чем, по-твоему, я сейчас думаю?

Крысолов. О том, что я нравлюсь тебе.

Анни заалела еще сильнее.

Анни. Неправда.

Крысолов. Неправда так неправда.

Анни. Ты мне понравился просто потому, что ты интересно говоришь.

Крысолов. Спорим, ты очень одинока?

Анни. Это правда. У меня нет ни одной подруги. Зато у меня есть друг...

Крысолов. Целый друг?

Анни. Только не подумай, что это что-то плохое. Я познакомилась с одним мальчиком. Его пытались повесить, представляешь, но потом не повесили, и еще он очень хорошо поет. А еще он многое знает и мечтает уйти из города с циркачами...

Крысолов. Познакомишь меня с ним?

Анни. Да, конечно. Только я не знаю, где он живет. Обычно мы встречались с ним у реки.

Крысолов (показывает за ограду). Это вон там?

Анни. Да. И немного левее по берегу. Там, где растет плакучая ива. Я часто туда сбегая, если честно.

Крысолов. И чем ты там занимаешься?

Анни. Обычно стою в кустах и слушаю, о чем говорят другие дети, которые там собираются.

Крысолов. И о чем же они говорят?

Анни. О разном. А Ганс иногда и поет...

Крысолов. И вот однажды ты набралась смелости и вышла к этому Гансу...

Анни. Ну да.

Крысолов. И как на тебя посмотрели другие ребята?

Анни. Они прогнали меня. И Ганс сначала был с ними заодно, но потом мы случайно встретились с ним один на один... И он оказался совсем другим.

Крысолов. Как думаешь, сейчас они там?

Анни. Кто?

Крысолов. Дети, которые там собираются.

Анни. Не знаю... Наверное...

Крысолов. Пойдем проведешь меня к ним?

Анни. А тебе зачем?

Крысолов. Не знаю даже, как ответить на этот вопрос... Скажем так – мне просто интересно познакомиться с твоими друзьями.

Анни. Но они мне не друзья... Только Ганс. А если их там много...

Крысолов. Это еще лучше! Пойдем подружим тебя с ними?

Анни. А у тебя получится?

Крысолов. Конечно. У меня всегда получается задуманное.

Анни. Хорошо. Только если они будут надо мной смеяться, я сразу уйду...

И Анни и Крысолов тихонько вышмыгнули из ворот и зашагали по тропинке к реке.

12

Ганс, Элизабет, Жак и Андреас сидели на своем привычном месте. Солнце уже давно зашло, со стороны города ветер доносил звуки песен и пьяного хохота горожан. Жак подбросил хвороста в костер.

Элизабет. Когда ты уходишь?

Ганс. На рассвете. Видели бы вы, с какой радостью они согласились меня принять.

Жак. Ты, наверное, спел им?

Ганс. И спел, и показал, как я умею жонглировать...

Ганс достал из своего дорожного мешка три мячика, набитые соломой, и продемонстрировал свои умения.

Жак. Как это у тебя все так здорово получается?

Ганс. Зато ты хорошо знаешь латынь... А я так и не сумел в ней разобраться.

Элизабет. Если бы у меня была возможность учиться, я бы вызубрила эту латынь назубок!

Ганс. Не переживай. Ты и так очень умная.

Элизабет. Я знаю. Поэтому я с вами.

Андреас. Надеюсь, твои хозяева никогда не узнают об этом...

Элизабет. Сегодня они пришли с ужина у Бургомистра в таком подпитии, что не заметили даже, что их горничная ходит в дорожной одежде.

Андреас. Устроили праздник... Интересно, где этот Крысолов будет искать крыс и как он их уничтожит, если

крысы существуют только в умах Бургомистра и его советников?

Жак. Спорим, он и не будет никого уничтожать, а просто сделает вид?

Тут кусты раздвинулись, и из них вышел Крысолов. Он крепко держал за руку Анни.

Крысолов. А спорим, будет?

Подростки ахнули. Жак громко зашептал остальным, показывая на Крысолова пухлым пальцем.

Жак. Это точно он! Я видел его сегодня на балконе...

Крысолов. Больше двух – говорим вслух! Анни мне сказала, что самые интересные люди города собираются здесь. Вот я и решил поближе познакомиться с вами, узнать, такие ли вы необычные, как о вас рассказывают.

Андреас (с вызовом). Вас обманули. Мы – обычные.

Крысолов. Вряд ли обычных людей будут приговаривать к смертной казни, а потом миловать...

Ганс вскинул голову и уставился на Крысолова.

Крысолов. А знаешь, почему тебя помиловали?

Ганс. Почему?

Крысолов. Я присяду?

Все кивнули, и Крысолов сел рядом с ребятами на траву. Анни последовала примеру Крысолова.

Крысолов. Потому что они боятся волнений.

Ганс. Волнений из-за меня? Простого студента? Но как это возможно?

Крысолов. Очень просто. Ты – красивый, талантливый парень. Хорошо поешь, пользуешься успехом среди молодежи. И главное, ты не врешь. В твоей биографии нет ничего такого, за что тебя можно было бы прижать и очернить в глазах людей. Они испугались народного недовольства. Испугались, что молодежь возненавидит их еще больше...

Ганс. Возненавидит? Из-за меня одного? То есть вы хотите сказать, что власти меня боятся?

Крысолов. Нет. Тебя они не боятся. Никого из вас по отдельности они не боятся. Но они ужасно боятся людей. Простых людей, которые могут вдруг восстать.

Андреас. Они никогда не восстанут. Мой отец, например, говорит, что вся власть от Бога, а раз нам так тяжело живется, значит, Господь нам послал такое испытание за наши грехи.

Крысолов. Но если они не восстанут, значит, восстать должны вы.

Элизабет. Попробуй тут восстань, когда за любой твой самый невинный поступок тебя хватают и тащат на виселицу.

Крысолов. Если честно, ребята, я удивляюсь вам. Вы – такие славные, удивительные, умные люди – до сих пор так и не научились скрываться.

Ганс. Но что нам это даст?

Крысолов. Вас начнут бояться. Больше всего люди страшатся неизвестности.

Ганс. И что вы предлагаете нам делать?

Крысолов. Ты, я смотрю, куда-то собрался, Ганс? Наверное, собираешься уйти сегодня ночью из города с заезжими циркачами?

Ганс. Откуда вы знаете?

Крысолов. Дорожный мешок, мячики для жонглирования у тебя в руках. Какой еще выход видит для себя молодой человек, которого никто не понимает?

Ганс. Это правда. Сегодня ночью я собрался уйти из города.

Крысолов. Если ты останешься, я расскажу, что тебе нужно делать.

Ганс. Откуда вы знаете, что мне нужно делать?

Крысолов. Я не знаю. Я просто предположил, что тебе будет лучше остаться в городе, потому что этому городу ты нужен.

Ганс. Я?

Крысолов. Ну конечно. Этому городу нужны такие ребята, как вы, а не те бараны, которые свято верят Бургомистру и выбирают его уже двадцать лет подряд.

Элизабет. Вот тогда скажите мне: я работаю горничной у барона Неймана. Он платит мне сущие копейки и все время вычитает из моего заработка за якобы мои провинности. Каждый день я терплю унижения от баронессы и ее дочерей. Но другой работы у меня нет. И моя семья твердит мне, что я должна молиться на такую легкую, как им кажется, работу. А что делать мне?

Андреас. Она говорит правду. Барон Нейман жаден и жесток. И еще он бьет своих слуг.

Ганс. А еще он ворует из городской казны. Поставляет городу для сиротских домов протухшее зерно. А город платит ему за него втридорога. Один мой приятель из сиротского дома рассказывал, что это зерно есть невозможно...

Анни. Бедные дети! Можно им как-то помочь? Я завтра же пойду туда и распоряжусь выдать им хорошего зерна...

Ганс. А вот и не распорядишься.

Анни. Почему это?

Ганс. Потому что поставлять такое зерно в сиротские дома приказал твой отец.

Анни. Может быть, он просто не знает о том, что оно протухшее?

Ганс. Ты сама-то в это веришь?

Анни. Верю. Самый главный лжец и подлец в этой истории, выходит, барон Нейман, а не мой отец. Вот бы наказать его как-нибудь.

Крысолов. Это несложно.

Элизабет. Несложно что? Наказать барона Неймана? Расскажите-ка как?

Крысолов. Только все, что я скажу сейчас, должно остаться между нами. Об этом не должна узнать ни одна посторонняя душа.

Жак. Разумеется.

Крысолов. Это навсегда останется нашей тайной.

Ганс. Да, да! Говори!

Крысолов. Сначала поклянитесь мне...

Ганс. Клянемся...

Крысолов. Нет. В тех местах, откуда я родом, клянутся не так. Возьмитесь за руки.

И Крысолов взял за руки Анни и Ганса. Его примеру последовали другие дети. Но только не Элизабет. Она враждебно посмотрела на Анни и выдала.

Элизабет. Я не возьму за руку дочь Бургомистра.

Анни смутилась и отдернула протянутую Элизабет руку.

Крысолов. Тебе не повезло родиться в бедной семье, ей не повезло родиться в богатой. В сущности, вам обеим не повезло с родителями, вы обе чувствуете себя одинокими, так что между вами нет никакой разницы.

Элизабет недоверчиво посмотрела на Крысолова.

Элизабет. Хорошо, если так нужно для дела...

И она взяла за руку Анни. Когда все сцепили руки, Крысолов начал говорить.

Крысолов. Именем свободы и собственной честью клянусь, что никому не расскажу о нашем сегодняшнем разговоре. Повторите.

Подростки послушно повторили слова Крысолова. А Крысолов достал из-за пазухи флейту и заиграл на ней грустную и вместе с тем манящую мелодию.

13

В то утро было ветрено. Ранние лучи солнца золотили камни мостовой, но в воздухе еще стоял туман. На перекладине у дверей ратуши висел человек. Полы его пальто трепал ветер. Повешенный медленно раскачивался из стороны в сторону. На груди у него висела большая деревянная табличка, на которой было написано: «Так будет с каждым, кто украдет».

Конец первого действия

Действие второе

1

На берегу реки сидело несколько десятков детей. Подростки приходили поодиночке и парами. Они молча расаживались вокруг костра. В воздухе царил напряженная тишина. Анни и Ганс были уже здесь. Ганс по привычке

жонглировал своими самодельными мячиками, а Анни неотрывно смотрела на него.

Анни. Интересно, кто будет сегодня...

Ганс. Он сам решит. Он знает про каждого из них...

Анни. Удивительно, что он все знает про наш город. Тебе не кажется это странным?

Ганс. Ну он же не такой, как обычные взрослые. Он умеет слушать.

Анни. Мне кажется, что я знаю Крысолова уже целую вечность, хотя не прошло еще и месяца, как он поселился у нас.

Ганс. Тебе здорово повезло. Ты живешь с ним в одном доме.

На этих словах где-то совсем рядом заиграла флейта. К реке вышел Крысолов. Он играл на флейте еще несколько минут, затем оглядел собравшихся и тихо спросил.

Крысолов. Все здесь?

Элизабет. Да. Не хватает только Жака.

Крысолов. Он опаздывает. Это нехорошо.

В этот момент появился запыхавшийся Жак. За ним семенили уже знакомые нам мальчики.

Жак. Крысолов, не сердись, пожалуйста. Я привел своего брата и его друга. Они тоже хотят быть с нами.

Второй мальчик. Мы тоже хотим бороться с нехорошими людьми.

Крысолов. Я смотрю, вы – отважные ребята.

Мальчики очевидно смутились.

Первый мальчик. Мы просто хотим помочь вашему делу...

Крысолов. Знаете ли вы, что для этого вам придется пройти страшные испытания?

Второй мальчик. Мы готовы.

Первый мальчик. Мы не боимся.

Брат Жака посмотрел на Крысолова с надеждой.

Второй мальчик. Но это ведь не очень больно?

Крысолов чуть насмешливо оглядел мальчиков.

Крысолов. А вы боитесь?

Мальчишки замотали головами.

Крысолов. А если я скажу вам, что это будет очень больно?

Мальчишки пугливо попятились, но все равно ответили.

Первый мальчик. Мы не боимся.

Второй мальчик. Не боимся!

Крысолов расхохотался.

Крысолов. Хорошо. Для начала вам придется переплыть реку туда и обратно.

Первый мальчик. Прямо сейчас? В темноте?

Крысолов. Ну а когда же еще? Потом встать голыми ногами на раскаленные угли. Потом проглотить живого паука...

Мальчишки уже чуть было не плакали от страха, но все равно кивали.

Мальчики. Мы согласны. Согласны...

Крысолов помолчал, как будто наслаждаясь их страхом, и наконец бросил.

Крысолов. Хорошо, парни, вы приняты.

Мальчишки радостно посмотрели на Крысолова. В их глазах читалась смесь благодарности и восхищения.

Крысолов. Садитесь к ребятам.

Ганс и Анни поманили мальчиков, уступая им место рядом с собой. Мальчики радостно уселись в круг ребят.

Крысолов. Я долго думал над сегодняшней встречей. Я знаю, многие из вас думают, что крыс на самом деле в городе нет и вся эта паника раздута Бургомистром и его приспешниками. Это отчасти так... Но только отчасти. Потому что крысы в городе есть, но эти крысы сидят в головах у людей. Они точат их мозг день ото дня, в результате чего человек и сам превращается в крысу. И моя задача, как Крысолова, уничтожать этих крыс. Ведь когда человек превращается в крысу, он перестает быть человеком. И я так рад, что вы мне в этом помогаете... Без вас бы я не справился.

Среди ребят раздались выкрики.

Дети. Мы всегда с тобой, Крысолов!

Крысолов. Сегодня ночью мы уничтожим крысу, которая больше всего нам лжет. Кто говорит нам, что все

деньги из казны города уходят на заботу о простых людях? Кто говорит, что денег в казне недостаточно, и позволяет кормить сирот протухшим зерном? Кто списывает на общественные нужды деньги, которые на самом деле тратятся на приемы у Бургомистра?

Ганс. Казначей.

И дети эхом повторили ответ Ганса.

Крысолов. Вы знаете, что делать?

Анни первой подняла руку, точно прилежная ученица.

Анни. Я заберусь через окно в его спальню, разбужу его и скажу, что его срочно вызывает отец. Попрошу не звать прислугу и оставить нашу встречу в полнейшей тайне. Мы вместе выйдем с ним из дома.

Жак. Мы с Андреасом выскочим из-за угла, скрутим его и поведем к ратуше.

Ганс. Я буду их ждать у ратуши с веревкой наготове. Зачитаю ему наш приговор и накину веревку.

Элизабет. Я пну его что есть мочи...

Другие дети заговорили вслед за Элизабет.

Дети. – Я разобью ему нос.

– А я выткну глаза.

– А я плюну прямо в лицо.

– А я буду тыкать ножом.

Ганс. И наконец я задушю его и подвешу на веревке на дверях ратуши.

Первый и Второй мальчики. А мы наденем на него табличку, можно?

Крысолов. Что бы вы написали на этой табличке?

Ганс. Так будет с каждым, кто солжет.

Крысолов. Отличная идея!

Первый и Второй мальчики повторили слова Ганса.

Второй мальчик. Так будет с каждым, кто солжет.

Я сам ее напишу! Я умею писать!

Крысолов. Кто тебя научил писать?

Второй мальчик. Жак.

Крысолов. У тебя хороший брат.

Второй мальчик горделиво улыбнулся.

Второй мальчик. Брат у меня что надо.

Крысолов. А сейчас мы все должны пойти и лечь спать.

А наутро встать, будто бы ничего не случилось, и быть со взрослыми послушными и веселыми. Тем, кто будет плохо учиться или работать, придется покинуть нашу компанию...

Андреас. Мы будем хорошо учиться, Крысолов. Обещаем.

Крысолов. Вот и отлично. Встречаемся в три часа ночи у дома Казначея.

И Крысолов первым поднялся и зашагал по тропе к дому Бургомистра. Заиграла флейта. Анни хотела было поспешить за Крысоловом, но тут Элизабет тронула ее за плечо.

Элизабет. Анни, я хотела тебе сказать – ты такая смелая. Я поначалу думала, что ты другая. Но теперь вижу, какая ты. Ты – наша. Хочу предложить тебе свою дружбу.

Анни. Дружбу? Правда?

Элизабет. Ну да. Я вижу, что ты – стоящая девчонка.

Анни. Ты будешь моей подружкой? По-настоящему?

Элизабет. Конечно, по-настоящему. Я не умею дружить понарошку.

Анни. О Элизабет, как я счастлива!

С этими словами Анни бросилась на шею новоиспеченной подруге.

2

За большим столом в столовой сидели трое – Бургомистр, Анни и Крысолов. Проворный слуга подавал всем троим то салфетку, то солонку, то масло. Бургомистр привык за завтраком читать газету, и в этот раз он не изменил своим привычкам.

Бургомистр. Ужас... Ужас... Слышали? Расследование по делу барона Неймана зашло в тупик.

Анни. Чудовищное убийство!

Бургомистр. Да, детка, существуют еще в наше время люди, которых и людьми не назвать... И кто только способен на такое злодейство, страшно себе представить этого человека.

Анни с Крысоловом незаметно переглянулись.

Анни. И я не представляю... Как подумаю, так меня берет оторопь.

Бургомистр. Послушай, тебе рано еще об этом думать. Лучше расскажи, как у тебя дела.

Анни. У меня все хорошо.

Бургомистр. Вот и славно. Учителя стали хвалить тебя. Я рад, что моя дочь наконец-то взялась за ум.

Анни. Да, папочка. Я поняла, что должна хорошо учиться.

Бургомистр. Ну наконец-то! Наконец-то ты это поняла...

Бургомистр закончил свой завтрак, вынул из ворота рубашки грязную салфетку и встал.

Бургомистр. В общем, будь хорошей девочкой и слушайся нянюшку.

Анни. Конечно, папочка!

Крысолов едва заметно улыбнулся Анни. Анни заговорила подмигнула ему. Внезапно Бургомистр обратился к Крысолову.

Бургомистр. Я хотел поговорить с вами сейчас. Если это, конечно, возможно.

Крысолов. Конечно.

Бургомистр. Давайте выйдем...

Бургомистр и Крысолов вышли из столовой. Бургомистр жестом пригласил Крысолова в свой кабинет. В кабинете Бургомистр уселся в свое кресло и кивнул Крысолову на противоположное. Но вместо этого Крысолов подошел к окну. Из окна кабинета Бургомистра распростирался вид на город Гамельн. Солнце золотило пряничные крыши и кресты на церквях. Крысолов смотрел на утренний город, сложив руки на груди. Бургомистр покашлял, чтобы обратить на себя внимание Крысолова.

Бургомистр. Я хотел бы поговорить вот о чем...

Крысолов. О чем же?

Бургомистр. Понимаете, народ напуган этими убийствами, люди только и говорят, что о неизвестном злодее.

Крысолов. Откуда вам известно, что говорят люди?

Бургомистр. У меня есть свои помощники, которые сообщают мне обо всем, что происходит в городе.

Вернемся к делу. Люди напуганы, я бы хотел их как-то успокоить. Нельзя ли изгнать крыс из города пораньше? В честь этого торжественного изгнания мы бы организовали городской праздник...

Крысолов. Почему нельзя? Можно.

Бургомистр. Это очень хорошо. Сколько вам еще нужно?

Крысолов. Допустим, три дня...

Бургомистр. Замечательно.

В кабинет Бургомистра влетел господин Первый Советник. Он был взволнован и растрепан, очевидно, он очень спешил к Бургомистру.

Первый Советник. Ваше сиятельство! Час назад господина Казначея нашли повешенным на воротах городской ратуши. У него были выколоты глаза, сломан нос и тело изрезано ножом.

Бургомистр. А табличка? Была табличка?

Первый Советник. Была.

Бургомистр. Что на ней было написано?

Первый Советник. Так будет с каждым, кто солжет.

Бургомистр. Черт! Черт! Черт! Чтоб тебя!

Бургомистр с размаху ударил кулаком по стопке свитков.

Бургомистр. Найти его. Я не знаю, как вы это сделаете. Найти его и четвертовать на ратушной площади!

Первый Советник. Пока мы ничего не можем понять. Они исчезают ночью из своих спален. Ни следов борьбы, ничего. Такое ощущение, что они сами приходят на эту площадь и сами там вешаются с табличками на груди. Иначе невозможно объяснить, как они оказываются на этой площади. И ни одного свидетеля.

Бургомистр. Главное, что они там оказываются. Опросите всех горожан. Не может такого быть, чтобы никто ничего не видел.

Первый Советник. Мы делаем все, что можем...

Крысолов вдруг оторвался от созерцания города и обернулся к Первому Советнику.

Крысолов. А если убийца – не один человек? Если это целая банда преступников?

Первый Советник покашлял и с неприязнью посмотрел на Крысолова.

Первый Советник. Господин Крысолов, я знаю, насколько велик ваш талант по части крыс, но все же, боюсь, он не так велик по части поимки преступников.

Крысолов весело улыбнулся Первому Советнику.

Крысолов. Как скажете!

3

Ганс прилежно сидел за учебниками в своей комнате, изредка поглядывая в окно. Из его маленького окошка под самым потолком виднелся только кусочек неба. В комнату Ганса зашел отец. Он посмотрел на сгорбленную спину сына.

Отец. Выпрямись, ну...

Ганс послушно расправил плечи.

Отец. Мать зовет ужинать.

Ганс. Я не голоден, отец.

Отец. Что значит не голоден?

Ганс. Мне нужно прочитать еще несколько глав на завтра.

Отец. Ты стал так много заниматься... Что ж, мы с матерью этому рады. Но все же стоит иногда делать перерывы.

Ганс. Что же, если вам так хочется, я поужинаю с вами.

Отец. Посмотрите-ка, он еще одолжение делает!

Отец с Гансом прошли по узкому коридору в такую же узкую кухню. Ганс юркнул за стол в самый угол. Мать разлила по тарелкам суп, поставила на стол корзинку с хлебом, разложила ложки. Отец встал и прочел «Отче наш». Отец и мать помолились, Ганс сделал вид, что тоже молится. Затем все трое приступили к трапезе.

Отец. Как твоя учеба, Ганс?

Ганс. Отлично, папа.

Отец. Говорят, ты стал делать приличные успехи.

Ганс. Да, папа. Я понял, что хочу учиться.

Отец. Боже, как я рад, как я счастлив, что ты оставил свои глупости...

Ганс. Да, папа. Я понял, что кормить бездомных собак, учить нищих читать и сажать деревья – это все глупости. Просто глупости...

Отец. К сожалению, понимание к нам приходит только с опытом, сынок.

Ганс. Ты прав.

В это время в дверь постучали. Мать протиснулась в коридор и открыла дверь. На пороге стояла старуха. Мать вопросительно посмотрела на пришлицу.

Старуха. Мне нужен Ганс.

И прочитав немой вопрос в глазах матери, Старуха продолжила.

Старуха. На прошлой неделе ваш мальчик помог мне донести провизию с рынка. А сегодня я пришла, чтобы отблагодарить его. Чудесный мальчик у вас! Чудесный!

Мать. Спасибо. Ганс!

Ганс вышел в коридор и устался на старуху.

Старуха. Я пришла отблагодарить тебя, мальчик. Пойдем, проводишь меня до дома, и я дам тебе кое-что.

Ганс с удивлением посмотрел сначала на старуху, потом на мать.

Мать. Сходи...

Ганс кивнул и вышел следом за старухой. На лестнице старуха вдруг расхохоталась девичьим смехом, а затем сняла с себя парик, очки и платок. Платком она вытерла краску с лица, и Ганс узнал в старухе Анни.

Ганс. Ничего себе ты актриса!

Анни. Не узнал! Не узнал!

Ганс. Узнаешь тут! Где ты научилась так ловко менять голос?

Анни. Я сама... Когда мне раньше бывало грустно, я воображала что-нибудь перед зеркалом, а потом разыгрывала папу. Выдумывала всякое... Например однажды изобразила, будто видела крысу... А я ее на самом деле не видела.

Ганс. Тебе в театре надо выступать!

Анни. Кто меня отпустит играть в театре?

Ганс. А ты убеги из дома.

Анни. Куда я убегу?

Ганс. Поступим вместе в цирковую труппу. Ты будешь изображать разных людей, а я петь и жонглировать.

Анни. А как же мы будем жить без Крысолова?

Ганс. Не знаю... Об этом я не подумал.

Анни. Кстати, я пришла по его поручению. Скажи всем, что собираемся у реки в четверть восьмого. Крысолов сказал, что это очень срочно.

Ганс. Понял. Сейчас же пойду к брату Жака и скажу ему, чтобы он предупредил всех наших...

Анни. Ганс... Я хотела тебе признаться...

Ганс. Надеюсь, в любви?

Анни. Что ты такое говоришь? Я хотела сказать, что я не очень понимаю, зачем мы это делаем.

Ганс. Что?

Анни. Ну вот это все... Что велит нам делать Крысолов.

Ганс. Зачем же ты тогда с нами?

Анни. Нет, я вроде бы и понимаю, но... Просто я хочу быть со своими друзьями. Ведь теперь у меня есть ты, Элизабет, Жак, Андреас...

Ганс. И ты – наш друг.

Анни. И я так рада этому. Что я теперь твой друг...

Ганс посмотрел на раскрасневшуюся Анни, на ее розовые губы, в которых слово «друг» вдруг зазвучало так маняще. Сам от себя не ожидая этого, Ганс притянул к себе Анни и поцеловал ее в эти губы. И Анни не оттолкнула его, не закричала, а, наоборот, ответила на его поцелуй.

Анни шла по темной лестнице незнакомого ей дома. Она старалась идти на цыпочках, не издавая ни единого звука, чтобы никого не разбудить. Перед спальней Анни остановилась, медленно положила руку на ручку двери. Ручка была холодной. Анни набрала в легкие побольше воздуха, повернула ручку и шагнула в темноту комнаты. На кровати прямо перед собой она увидела спящего в ночном колпаке Первого Советника. Анни подошла к Советнику и тронула его за плечо. Советник открыл глаза.

Первый Советник. Кто здесь?

Анни. Не пугайтесь, это я – Анни.

Первый Советник. Что ты здесь делаешь?

Анни. Случилось что-то очень важное. Отец велел мне бежать за вами и попросил, чтобы вы не будили прислугу. Ваша встреча должна остаться в полнейшей тайне. Он даже вынужден был просить меня об одолжении сбегать за вами...

Первый Советник. Но что стряслось?

Анни. Об этом вам может рассказать только отец. Жду вас за дверью.

И Анни выскользнула за дверь. Первый Советник принялся спешно одеваться. Через минуту он был уже готов.

Первый Советник (выходя за дверь). Идем. Только тихо.

Анни и Первый Советник вышли из дома.

Первый Советник. Чертов город. В нем всегда приходится быть начеку. Каждую минуту в нем что-то случается. Кто-то умирает не своей смертью, кого-то находят

зарезанным в переулке. В нем всегда что-то откуда-то падает, ломается, ветшает. За ним вечно нужно следить. Чуть только отвлечешься на что-то, и в городе обязательно что-нибудь случится.

Анни. А мне нравится наш город.

Первый Советник. Ты еще слишком мала, чтобы понять это, Анни.

За разговором Анни и Первый Советник свернули в переулок. Тут из-за угла дома на них выскочили Жак и Андреас. Они заломили Советнику руки и тут же скрутили их веревками.

Первый Советник. Что происходит?

Андреас. Если закричишь, мы заткнем тебе рот кляпом.

Жак. Вперед!

Первый Советник. Хорошо, хорошо... Я дам вам тридцать золотых, только отпустите меня, ребята.

Жак. Нам не нужны твои деньги.

Андреас. К тому же тридцать золотых – слишком жалкая плата за твою жизнь. Думаю, она стоит подороже.

Первый Советник. Что вы хотите со мной сделать?

Анни. Вам лучше не задавать так много вопросов.

Первый Советник. Анни, ты что, с ними?

Анни. Это мои друзья.

Первый Советник. Твои друзья? Ребята, зачем я вам?

Андреас. Пришла пора ответить за свои ложь, воровство и фарисейство...

Жак. Надень ему повязку...

Андреас. Точно.

Он поспешно надел повязку на глаза Первому Советнику. Затем Андреас с Жаком с двух сторон крепко взяли

под локти Первого Советника и повели его к ратушной площади.

На ратушной площади уже собралась толпа. Толпа, состоящая из одних детей и подростков. Толпа молчала и ждала. Наконец кто-то негромко крикнул: «Ведут!» На площади показалась наша процессия. Жак с Андреасом подвели Первого Советника к воротам ратуши и развязали ему руки. Из толпы вышел Ганс и подошел к Первому Советнику. Он внимательно посмотрел ему в глаза и тихо спросил.

Ганс. Узнаете ли вы меня?

Первый Советник. Безусловно.

Ганс. Чуть больше месяца назад вы приговорили меня к смертной казни.

Первый Советник. Неправда. Это я попросил Бургомистра подписать помилование.

Ганс. Пусть так. Но вы казнили моих друзей. За что? За то, что мы кормили кошек и собак... А потом выставили нас перед городом пособниками крыс. А тем временем вы прекрасно знали, что никаких крыс в городе нет.

Первый Советник. Откуда тебе это знать? Если ты не видел крыс – это не значит, что их нет.

Ганс. Знаете, что я больше всего ненавижу в жизни, господин Первый Советник? Ложь! Не эти ли слова вы произнесли на том допросе, когда после пыток, измученный и окровавленный, я все равно кричал вам о своей невинности? И ведь вы прекрасно знали, что я невиновен. И вы все равно обвинили меня во лжи. А теперь я обвиняю вас в том же. Только, в отличие от меня, вы и вправду лжец.

Первый Советник. Хорошо. Чего ты хочешь от меня?

Ганс. Я хочу, чтобы вы признались, что все это время вы лгали нам о крысах. Вы лгали нам и тогда, когда говорили, что мы живем в одном из самых лучших городов

мира, а всех, кто с вами не соглашался, обличали и сажали в тюрьмы. Вы лгали нам все время. Впрочем, мы вам особенно и не верили. Но вы все равно нам лгали. Нам и нашим родителям. Лгали, что перед нами открыты все горизонты и в нашем городе так много возможностей для молодых. Но единственной нашей возможностью оказалась возможность работать в шахте и помереть в сорок лет от болезни легких. Или прислуживать вам и таким, как вы, тем, кто много лет назад захватил власть в свои руки.

Первый Советник. Хорошо, Ганс. Я с тобой согласен. Я – лжец и фарисей. Допустим. Но сам-то ты тоже вроде как не работаешь в шахте, а учишься на врача.

Ганс. Я учусь, потому что мои родители продали дом и теперь мы ютимся в квартирке под самой крышей. Но вы правы – мне еще, можно сказать, повезло. Однако я говорю не про себя. Я говорю про всех нас, здесь собравшихся. Ответьте нам – зачем вы казните детей?

Первый Советник. С точки зрения закона их уже можно было казнить...

Ганс. Но зачем?

Первый Советник. Потому что вы еще слишком малы и глупы, Ганс, чтобы понять, что такое управлять городом. Мы должны были пожертвовать кем-то, чтобы избежать народного недовольства. Людям нужны виноватые в их бедах. Мы решили, что этими виноватыми будут крысы. А раз есть крысы, значит, есть и пособники крыс. Ими оказались вы. Вам просто не повезло. Но если бы мы допустили народные волнения, вас бы, шибко умных, просто смело этой волной. Не говоря уж о том, что революция – это всегда смерть, мародерство и нищета. Ты думаешь, люди живут бедно сейчас? Да ты просто не знаешь настоящей бедности. Послушай, Ганс, я лично просил Бургомистра за тебя, потому что мне тебя стало

попросту жаль. Я подумал, что всю жизнь буду жалеть, если такого умного парня, как ты, казнят.

Ганс. А я не буду ни о чем жалеть.

С этими словами Ганс накинул веревку на шею Первого Советника.

Ганс. За ложь, за фарисейство, за убийство наших друзей вы, господин Первый Советник, приговариваетесь нами к смертной казни путем повешения.

Первый Советник. Ганс, подожди...

Ганс. Но сначала каждый из нас скажет вам все, что о вас думает...

И дети стали по очереди подходить к Первому Советнику. В руках у них были гвозди, и каждый из детей втыкал свой гвоздь в то или иное место на теле Первого Советника. Первый Советник взвыл от боли. Его мозг мучительно искал спасения. В один момент он заметил, что маленькая девочка замешкалась. Решительным броском Первый Советник вырвал гвоздь у девочки из рук и воткнул его ей в плечо. Девочка закричала. Советник оттолкнул девочку и, размахивая гвоздем направо и налево, бросился бежать. Дети побежали за ним. Они гнали его, словно борзые зайца. Первый Советник, петляя по улочкам города, наконец сумел оторваться от детей, забежав в очень узкий проулок. Дети не заметили его и пробежали мимо. Советник сел на мостовую. Взгляд у него был безумный.

Уже пропели первые петухи и на улице светало, когда господин Первый Советник подошел к дому Бургомистра.

Он был растрепан и окровавлен. Даже служанка невольно вскрикнула, когда увидала его в таком виде. Молча он прошел мимо прислуги прямо в спальню Бургомистра, и прислуга не посмела его остановить. Бургомистр храпел на своем ложе, словно огромный монс. Первый Советник толкнул Бургомистра. Бургомистр, мыча себе что-то под нос, открыл глаза. Он не сразу разглядел в полутьме комнаты Первого Советника. А когда разглядел, то моментально проснулся.

Бургомистр. Ты убежал от него? Ты видел его?

Первый Советник. Не его, а их, ваше сиятельство. Дети, это были дети. Много детей. И среди них была ваша дочь.

Бургомистр. О чем вы?

Первый Советник. Анни была там!

Бургомистр. Что вы такое говорите? Ведь этого не может быть.

Первый Советник. Она была там... Среди детей. Не далее чем час назад...

Бургомистр. Успокойтесь. Это легко проверить.

Бургомистр накинул халат и вышел из своей комнаты. Первый Советник последовал за ним. Бургомистр постучал в комнату дочери.

Бургомистр. Анни! Детка! Ты здесь?

Из комнаты не раздавалось ни звука. Бургомистр постучал еще раз.

Бургомистр. Анни, можно я войду?

Бургомистр не без волнения распахнул дверь комнаты. Анни мирно спала в своей белоснежной кровати. Ее

золотистые волосы разметались по подушке, а на губах блуждала детская невинная улыбка.

Бургомистр. Вот видите? Видите?

Господин Первый Советник кивнул, и глаза его забегали.

Первый Советник. Но ведь я видел ее там... Видел... Она была среди детей. Она вела меня на казнь...

Бургомистр. С вами все хорошо?

Первый Советник. Как они могут так притворяться? Ведь не далее чем час назад... Дети...

И тут Бургомистр понял, что у Первого Советника помутился рассудок, и шепнул проходящей мимо служанке.

Бургомистр. Беги за врачом. Скажи, что дело очень срочное и не терпит отлагательств...

6

Крысолов сидел на самой вершине холма и играл на флейте. Вокруг него до самой реки сидели дети. Крысолов смотрел на детей с задумчивостью, а дети на него с восторгом. И наконец он закончил играть и тихо изрек.

Крысолов. Все здесь?

Первой, как всегда, вызвалась отвечать Анни.

Анни. Да.

Крысолов. Тогда начнем наше собрание. Вы знаете, вы – молодцы. Я от вас не ожидал такой собранности. Я вообще не ожидал, что обрету в Гамельне таких пре-

красных людей. Я, конечно, сейчас говорю про вас, а не про ваших родителей.

Дети слушали Крысолова, затаив дыхание.

Крысолов. Вы немного промахнулись с Первым Советником. Но зато вы задали ему знатную трепку. Сегодня утром его поместили в лечебницу для душевнобольных, где ему самое место, я считаю.

Дети радостно засмеялись.

Крысолов. Итак, мы истребили почти всех крыс в Гамельне. И я вас с этим поздравляю. Я говорю почти, потому что самая главная крыса до сих пор бодрствует и продолжает править городом. И имя этой крысы...

И тут Анни все поняла и закричала.

Анни. Нет. Только не мой отец! Пожалуйста!

Крысолов. Но ведь ты уже поняла, что он – плохой человек, Анни? Он даже уже не человек.

Анни. Я знаю, что он допустил много ошибок... Но он – не плохой человек. Крысолов, пожалуйста... Я прошу тебя, я прошу всех вас... Не троньте моего отца, не надо... Я прошу... Я его люблю... Все равно люблю...

И вдруг Анни расплакалась. Дети загалдели. Ганс подошел к ней и стал гладить ее по волосам. Крысолов молча наблюдал за этой сценой. А затем спустился к Анни, присел перед ней на корточки, заглянул ей в глаза и ласково заговорил.

Крысолов. Все-все-все... Мы не будем казнить твоего отца, малыш. Раз ты так плачешь о нем. Дети не должны плакать. Ну же, вытри слезы. У меня есть план получше.

Анни. Правда?

Крысолов. Хочешь послушать?

Анни кивнула, вытирая слезы рукавом платья. Крысолов вернулся на свое место.

Крысолов. Анни права. Если человека любит хоть один ребенок на земле, то у него еще есть шанс спастись. А значит, мы уничтожили всех крыс города Гамельна. Моя миссия окончена. Я уйду.

Дети встрепнулись и заговорили на разные голоса: «Нет! Куда ты уходишь, Крысолов?! А мы, а как же мы?» И тогда Крысолов улыбнулся детям и поднял руку вверх. Дети разом замолчали.

Крысолов. А хотите пойти дальше вместе со мной?

Кто-то ахнул от удивления, услышав такое предложение, кто-то пытался осмыслить услышанное. И наконец дети загалдели: «Да! Мы согласны! Мы пойдем с тобой, Крысолов!»

Крысолов. И вы даже не спрашиваете меня, куда мы пойдем?

«Куда?» – слышались выкрики из толпы.

Крысолов. Мы пройдем сквозь пещеру, что начинается в Рудниковой горе прямо за вашим городом. И придем на землю, на которой вы еще никогда не были. На

этой земле все не так. Она пустынна, там не цветут липы весной, там нет городов и королевств. И на этой земле мы с вами построим свое государство. И это будет совсем другое государство. Такое, какого никогда раньше не бывало на земле. Там не будет лжи и обмана, не будет несправедливости, там все будут равны и счастливы. Все будут друг другу братьями и сестрами. И зацветут липы на наших аллеях гуще и ярче, чем где бы то ни было. И построятся наши дома, и разрастется наш город до самых гор. И родится новое государство, где не будет власти над нами.

Только мы с вами сможем построить такое государство. Так вы все еще со мной?

Дети. Да! Мы с тобой, Крысолов.

Крысолов. Вы не боитесь ни тягот, ни лишений, которые ждут вас?

Дети. Нет! Мы не боимся.

Крысолов. Хорошо. Есть кто-то, кто не хочет идти со мной?

Дети замолкли. И тут в полнейшей тишине зазвучал голосок Анни.

Анни. Я.

Крысолов. Как? Ты не пойдешь?

Анни. Простите меня... Я не могу... Не могу бросить отца... Он ведь уже не молод, а я – единственное, что у него есть.

Крысолов. Хорошо, оставайся. Но когда мы уйдем, пообещай, что не промолвишь ни слова о том, куда мы исчезли.

Ганс. Как же так, Анни...

Элизабет. Анни! Пошли с нами! Как я буду в новом мире без своей подруги?

Ганс. Мы создадим там театр, и ты будешь в нем самой главной актрисой.

Анни. Я не могу... Не могу... Не могу...

И Анни заплакала снова.

Крысолов. Тебе придется уйти, Анни. Все, что я сейчас скажу, тебя больше не касается.

Анни. Крысолов, прости меня, пожалуйста, но я правда не могу...

Крысолов. Я все понимаю.

Анни. Хорошо. Хорошо.

И Анни, плача, прошла мимо ребят и направилась по тропинке к дому.

Крысолов. Сейчас, когда вы придете домой, соберите в дорожный мешок свои пожитки. Возьмите только самое необходимое.

Из толпы раздался голос брата Жака.

Второй мальчик. А игрушку можно с собой?

Крысолов. Лично тебе я разрешаю взять игрушку. Но только одну. В три часа ночи мы встретимся с вами на ратушной площади и тихо пойдём к горе. Позовите с нами всех своих друзей, возьмите своих младших братьев и сестер, ведь таким образом вы их спасете и подарите им шанс на счастливую жизнь.

Из-за кустов выбежала Анни.

Анни. Хорошо! Я с вами!

Крысолов. Я рад, что ты с нами, милая. Я очень рад.

И Крысолов широко улыбнулся Анни. Анни польщенно раскраснелась и юркнула на место рядом с Гансом.

Крысолов. Мы пойдем к горе и ровно в пять часов утра, на рассвете, войдем в пещеру.

Первый мальчик. А там не будет пауков?

Крысолов. Не переживай. Я пойду впереди и буду расчищать вам дорогу.

7

На ратушной площади играли музыканты. Люди смеялись и танцевали, забыв о страшных убийствах последнего времени, радуясь первым теплым денькам и этому случайному празднику, который Бургомистр велел устроить по случаю избавления города от крыс. На балконе ратуши появился и сам Бургомистр. Следом за ним на балкон вышли Крысолов и Анни.

Бургомистр. Дорогие жители города Гамельна! Я обещал вам Крысолова, и я привел вам Крысолова. И вот сегодня наш уважаемый гость исполнил свою работу. В городе больше нет крыс! Поздравьте друг друга с этим! Наш город избавился от крыс раз и навсегда!

«Ура!» – закричала толпа. Крысолов учтиво поклонился публике. Музыканты снова заиграли свою музыку.

В самой ратуше тоже было многолюдно. Здесь собралась вся знать города – ведь она любила праздники не меньше простолюдинов.

Бургомистр был рассеян. Он раскланивался во все стороны, отвечая на льющиеся на него рекой приветствия и грубую лесть, но лицо его выражало тревогу и озабоченность. Анни семенила следом за отцом. По

ней было видно – что-то мучало ее в этот вечер и не давало покоя.

Бургомистр. Господа, я приглашаю вас всех к столу.

И гости бурной рекой стали стекаться в зал приемов. Анни выбрала момент, когда отец ни с кем не разговаривал, и прошептала ему на ухо.

Анни. Папочка, мне нужно с тобой поговорить. Очень нужно...

Бургомистр. Прямо здесь? Детка, сейчас не время. Давай поговорим завтра, когда никто нас не потревожит.

Анни. Папа, я хотела сказать...

Бургомистр. Что? Говори громче!

Анни оглянулась по сторонам и произнесла.

Анни. Нет, ничего... Просто мне опять нездоровится сегодня, и если ты позволишь, я уеду домой пораньше...

Бургомистр. Что-то в последнее время ты стала часто болеть. Надо будет пригласить доктора.

Анни. О, не беспокойся, ничего страшного, обыкновенная простуда...

Бургомистр. Ну хорошо, хорошо, если тебе нездоровится, то, конечно, ты можешь уехать раньше...

Анни. Спасибо, папочка.

И Анни вдруг крепко обняла отца.

Бургомистр. Ты чего? Дома обнимемся, здесь же люди...

Анни чмокнула отца в щеку и, ничего не объясняя, побежала вниз по лестнице. Тем временем праздник

продолжался. К Бургомистру подошел Крысолов. Он поднял на Бургомистра свои рыбы глаза и проговорил.

Крысолов. Вы должны мне сто двадцать тысяч золотых...

Бургомистр. Сто двадцать тысяч? У нас нет таких денег. Вся наша казна что-то около ста тысяч золотых. Я могу заплатить вам тридцать тысяч...

Крысолов. Но это не треть вашей казны.

Бургомистр. Кто вам такое сказал? Мой Первый Советник? Но он безумец, разве вы не знаете, что он сошел с ума и несет всякий бред? Нет, вы ошибаетесь. Тридцать тысяч – это треть нашей казны. И вообще, сейчас не время об этом говорить. Переговорим дома в моем кабинете.

Крысолов. Мне не нужно тридцать тысяч золотых. Мне нужна треть казны. Если же вы не можете заплатить мне треть, то я отказываюсь и от тридцати тысяч.

Бургомистр. Как хотите. Это ваше право.

Крысолов. Я знаю. Все, что я имею в этой жизни, – это лишь право. Право поступать так, как считаю нужным.

Бургомистр. Вы действительно отказываетесь от денег?

Крысолов. Да. Отказываюсь.

Бургомистр. Послушайте, возьмите эти тридцать тысяч... Ведь вы работали.

Крысолов. По правде говоря, деньги мне не нужны.

Бургомистр. Не нужны деньги?

Крысолов. Нет. Я считаю, что город Гамельн заплатил мне сполна.

Бургомистр. Ну что же, если наше гостеприимство и радушие устраивают вас в качестве скромной платы за вашу работу и вы не в обиде на нас, то я, честно признаться, очень этому рад. Вы даже не представляете, насколько беден наш город. Поэтому, честно признаться, я рад...

Крысолов. Я тоже рад. Чрезвычайно рад.

Крысолов криво усмехнулся, поклонился Бургомистру и растворился в толпе.

8

Та ночь в Гамельне выдалась особенно теплой. После праздника взрослые спали пьяным сном по своим кроватям. Полная луна освещала ратушную площадь, на которой уже собрались дети. Здесь были и совсем малыши, были и подростки. Старшие вели за руку младших. Девочки держали младенцев на руках. За спиной у каждого болтался маленький дорожный узелок. Но некоторые дети все же ослушались Крысолова и тащили за собой еще и кукол или деревянных лошадок на веревочках. Дети галдели, вертели головами по сторонам и, находя в толпе друзей, кричали друг другу приветствия. Ганс крепко держал зареванную Анни за руку.

Крысолов поднялся на ступени ратуши, поднял руку вверх. Детский гам стих.

Крысолов. Все здесь?

Дети. – Все!

– Кто не успел, тот опоздал!

– Мы готовы идти...

Крысолов. Тогда в путь.

Крысолов достал из своей дорожной сумки флейту, заиграл на ней и двинулся в путь. А дети, уходя за ним, хором запели:

Мы за Крысоловом все вместе уйдем,
Там волю и новую землю найдем.
Мы райские кущи построим на ней
И станем всех лучше из рода людей.

Дети уходили. Уходили навсегда. Уходили, оставив свои комнаты, свои учебники и игрушки, своих родителей, которым вечно было некогда и которые их не понимали. Дети шли строить новый мир. И они думали, что он будет лучше, чем тот, в котором они родились и выросли.

Дети вышли из города и пошли по горной тропе, что начиналась прямо у его границ. У подножия горы они увидели пещеру, которая смотрела на них черной разверзнутой пастью.

Крысолов бесстрашно вошел в эту пещеру, и дети последовали за ним. И когда последний ребенок исчез во тьме, с потолка пещеры полетели камни. Они завалили вход в пещеру и прочно замуровали в ней детей.

9

А наутро город проснулся. И не нашел своих детей.

«Анни!» – закричал Бургомистр, не найдя свою дочь в кровати.

«Элизабет!» – закричала сухонькая белесая женщина.

«Ганс!» – закричали отец с матерью, прочтя короткую записку, которую написал им сын. В записке была всего пара слов: «Не ищите меня, я ушел за Крысоловом».

«Элизабет! Андреас! Жак!» – вторили им голоса других родителей.

10

У заваленного входа в пещеру собралась толпа. Люди стонали и плакали.

Люди. – Следы ведут сюда...

– Значит, они ушли в пещеру...

- Господи, бедные наши дети!
- Разбирайте завал!
- Мы уже пробовали, это невозможно.
- Камни слишком большие!
- Дети, дети, отзовитесь!
- Элизабет!
- Ганс!
- Жак!
- Андреас!
- Вы там? Скажите, что вы живы!

Башмачник подошел к Палачу, по щекам которого текли слезы.

Башмачник. Хорошо, что у меня нет детей.

Палач. Нет, дети – это великий дар. Великий. Моя Мари... Она была такой... Такой...

И с этими словами Палач зарыдал в полный голос.

Башмачник. Извини, я не подумал, что у тебя тоже дочь...

Башмачник отошел в сторону. Люди безуспешно пытались оттащить камни от входа в пещеру. И когда они поняли, что все бесполезно, то разом замолчали. А потом точно так же разом заговорили.

Люди. – В последнее время он стал таким хорошим...

- Моя Элизабет превратилась в само послушание...
- Мы радовались, думали, наш Ганс наконец-то взялся за учебу...
- Что мы о них знали?
- Мы думали, что у них все хорошо.

- Почему они ушли за ним? Чего им не хватало?
- Я растила своего сына как могла. Я и подумать не могла, что он уйдет вместе со всеми...
- Моя дочь была такой ласковой девочкой, что заставило ее уйти?
- Да, я мало говорила с сыном, я не знала о его жизни почти ничего, но он должен был понимать, что я работаю с утра до ночи, чтобы прокормить его.
- Что нам теперь делать? Что делать?
- И кто во всем этом виноват?
- Этот Крысолов всюду шлялся со своей флейтой! Это все его флейта! Она заколдовала наших детей, вот они и ушли за ним!
- Надо сломать все флейты в городе...
- Надо запретить играть на флейтах!
- Куда смотрят власти?
- А им, как всегда, ни до каких флейт нет дела...
- Надо написать прошение...
- И казнить всех, кто держит флейты дома...

А Бургомистр встал перед пещерой на колени и прошептал.

Бургомистр. Дети, простите нас, пожалуйста...

И тут из горы раздалось детское пение:

Мы за Крысоловом все вместе уйдем,
Там волю и новую землю найдем.
Мы райские кущи построим на ней
И станем всех лучше из рода людей.

Конец